БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.

No. 6.

ИСТОРІЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ИВАНА ГОЛОВИНА.

Les mêmes causes produisent toujours
les mêmes effets.

Часть I.

Geschichte der französischen Revolution von Ivan Golovin.

LEIPZIG,
H. HÜBNER.
17, Johannisgasse.

BERLIN,
ASHER & Co.
20, Unter den Linden.

1860.

E. L. Kasprowicz in Leipzig.

БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.

No. 6.

ИСТОРІЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ИВАНА ГОЛОВИНА.

Les mêmes causes produisent toujours
les mêmes effets.

Geschichte der französischen Revolution von Ivan Golovin.

Часть I.

LEIPZIG,
H. HÜBNER.
17, Johannisgasse.

BERLIN,
ASHER & Co.
20, Unter den Linden.

1860.

Проф. 19

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
014
28

Лейпцигъ,
въ типографіи Г. Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär

Г^НУ АЛЬФОНСУ ЛАМАРТИНУ

ТРУДЪ СЕЙ ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

Monsieur,

C'est en achevant l'Histoire de la Révolution française (en russe) que je viens vous demander la permission de vous la dédier. J'obéis, en le faisant, au sentiment de l'admiration que m'inspire *l'Histoire des Girondins*. Il fut un temps où l'on y reconnaissait un chef-d'oeuvre, mais ce livre est immortel et un oubli même momentané serait de l'ingratitude. En le relisant, je suis frappé de tant de sentences marquées au sceau du génie, que je ne sais s'il faut plus admirer en vous le grand historien, le penseur profond ou l'écrivain élégant.

Depuis que j'ai eu le plaisir de vous serrer la main pour la dernière fois, le sort s'est étrangement joué de nous. J'ai continué à errer en proscrit, pendant qu'il vous a été permis de continuer à enrichir la France de vos œuvres sublimes. La postérité vous rendra la justice que vos contemporains vous refusent.

Permettez qu'en popularisant votre nom parmi le public russe, je m'acquitte envers vous d'une partie de la dette que j'ai contractée dans les moments de troubles à jamais mémorables.

Je vous prie de croire au dévouement sincère

de votre affectionné serviteur

Ivan Golovine.

Munich, Novembre 2/59.

A Monsieur Alphonse de Lamartine
à Paris.

A Monsieur Ivan Golovine.

J'accepte avec reconnaissance la dédicace. Elle prouve que nous pensons de même. Je ne vous ai point oublié au milieu de mes malheurs et de mes efforts. Pour sauver ceux qui vivent et meurent en moi l'esprit est occupé, le coeur est libre.

Mille remercîments

Lamartine.

Предисловіе.

Люди старѣютъ но недѣлаются мудрѣе. Едва мы спасаемся отъ несчастія, которое накликали наши вины, какъ мы думаемъ, что болѣе въ нихъ не впадемъ; а наша гордость приводитъ насъ къ нимъ скоро назадъ. Для поученія и народовъ и правителей надлежитъ повторять повѣствованія революцій.

Лудвигъ XVI. дѣлалъ реформы, но онъ дѣлалъ ихъ слишкомъ тихо для нетерпѣнія народа вышедшаго изъ терпѣнія. Его жена вѣрила Бріенну, что парламентъ поникнетъ головою, а шесть десятъ лѣтъ потомъ сынъ Герцога Орлеанскаго, Луи Филиппъ вѣрилъ префекту, что народъ не выдетъ изъ повиновенія. Франція сдѣлала успѣхи со смерти Лудвига XIV., народъ страдалъ менѣе, но былъ менѣе способенъ переносить страданія. Онъ сносилъ деспотизмъ Лудвига XIV., но не снесъ абсолютизма Лудвига XVI., потому что времена были не тѣ и мысли стали другія.

Никто болѣе насъ не оплакиваетъ неистовства Французской революціи, но и они были въ натурѣ вещей, т. е. въ характерѣ народа, которому не давали дотолѣ политическаго воспитанія и государ-

ственной жизни. Когда Французъ отрѣкалъ Бога или поносилъ его, то это было потому что онъ не страшился кары по крайней мѣрѣ немѣдленной.

Революція родила еще большаго деспота нежели были Бурбоны, но это былъ метеоръ и геній обмѣнявшій свободу на славу, а оставившій въ народѣ равенство.

Говорятъ, что Фридрихъ Великій избѣгъ бы революцію, но Наполеонъ не избѣгъ же своей участи.

Взошло въ поговорку, что Лудвигъ XVI. навлекъ революцію уступчивостію, а Карлъ I. неуступчивостію. Въ этомъ-то и состоитъ задача правительственная давать волю народу, но не такую, чтобъ онъ сбрасывалъ власть, такъ какъ долгъ народа сбрасывать иго, а покоряться порядку.

События различествую по характеру народа и революція Англійская совсѣмъ не похожа на революцію Французскую. Религіозный характеръ Пуритановъ воздержалъ ихъ отъ кровопролитій которыми обезчестили себя безбожные санкюлоты. Помня ихъ и ненавидя ихъ, революція 48 года избѣгла ихъ, но она сама была раздавлена.

Говорятъ что большая революція была чисто политическая, а революція 48 года соціальная. Но соціальные вопросы, какъ мы увидимъ, имѣли большее мѣсто первой а во второй оказались еще не выработанными.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Стр.

Свободныя учрежденія передъ революціей 1
Предтечи паденія монархіи 3
Людвигъ XVI. 6
1789 10
1790 19
1791 24
1792 29
1793 50
Хроника 65
Смѣсь.
Политическая дѣятельность. Письмо къ Русскому Сановнику 69
Критика.
Autocratie en Russie 73
Geschichte der Revolutionszeit von Sybel 75

ИСТОРІЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

СВОБОДНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

Свобода стара, а деспотизмъ новъ. Централизація, которая, въ нашихъ глазахъ, отнюдь не гарантія свободы, не была дѣломъ революціи, а королевства. Только различныя провинціи сохранили различныя права и учрежденія. Государственные Штаты (Etats-Généraux) собирались и въ 1356 г. и въ 1384 г. и принято было правиломъ, что имъ однимъ принадлежало право соглашаться на налоги. Если въ послѣдствіе, высшіе классы избѣгали налоговъ, то Людвигъ XII. объявлялъ, что даже принцы крови подлежатъ онымъ. Судейская власть была незави-

сима отъ королей и только послѣдніе короли ограничили власть судей разборомъ ссоръ между частными людьми и запретили имъ вмѣшиваться въ политическіе и административные вопросы. Общины подчинили себя добровольно судьямъ (prévosts). Но приходы сохранили право выбирать своихъ начальниковъ, покуда казенные чиновники не взяли въ руки всѣ ихъ принадлежности.

Съ 1614 г. государственные штаты не были собираемы, но выборные (Notables) созывались Генрихомъ IV., и по его примѣру Людвигомъ XVI.

Въ Нормандіи крѣпостное состояніе исчезло уже въ XIII. столѣтіи и крестьяне имѣли вездѣ поземельную собственность. Уже при Людвигѣ XIV. были офицерами недворяне. Правда, что при его наслѣдникахъ эти примѣры стали рѣже. При Некерѣ было 4000 должностей доставлявшихъ дворянство и ими торговалъ дворъ. Бурке выхвалилъ Французскую конституцію передъ революціей, но ничего органическаго несуществовало. Lits de justice королей стоили русскихъ указовъ, и между тѣмъ какъ Англійское дворянство смѣшивалось съ мѣщанствомъ, Французское только обижало его своею гордостію.

ПРЕДТЕЧИ ПАДЕНІЯ МОНАРХІИ.

Полъ вѣка передъ Революціей, Франція представляла всѣ симптомы паденія.*)

Церковь была въ рукахъ Іезуитовъ: и Генрихъ IV. и Лудвигъ XIII. были убиты Іезуитами, а Лудвигъ XIV. исповѣдовался имъ и дѣйствовалъ по ихъ велѣнію противъ протестантовъ и противъ Жансенистовъ. Невѣріе постепенно вкрадывалось въ умы и росло удивительно.

Юстиція звалась Бастиліею. У всякаго министра были бланки, которыя они наполняли именами своихъ соперниковъ. Короли заключали въ Бастилію кого хотѣли, безъ суда, безъ допроса, за малѣйшее подозрѣніе и съ удивительною тайною. Затворщики содержались тамъ подъ чужимъ именемъ, никогда не видали другъ друга; заключеніе ихъ продолжалось по 30 лѣтъ или пожизненно. Другія тюрьмы были не лучше.

---

*) Токевилль (Ancien Régime et Révolution) говоритъ, что Артуръ Юнгъ не замѣчалъ ихъ; но Лордъ Честерфильдъ на ихъ указывалъ (См. его Письма), а А. Юнгъ говоритъ: — Еслибъ я былъ законодателемъ Франціи на одинъ день, то я бы заставилъ этихъ баръ (lords) попрыгать (skip) 1, 12, 48, 84.

Дворомъ заведывали Помпадуры и Дюбарри, для которыхъ дѣлались даже смотры войскъ.

Дворянство дралось на шпагахъ, жило выше средствъ своихъ, не платило долговъ, играло въ карты, содержало любовницъ.

Народъ же, двадцать милліоновъ людей, составлялъ одно стадо, которое стригли и брили по милости и волѣ царской.

Войско было разбито при Росбахѣ, при Квебекѣ. Франція потеряла Канаду, Индію, Сенегалію. Только временно поднялся флотъ и завоевалъ Минорку. Англичане его обезоружили и ихъ комиссары жили во Франціи, чтобы смотрѣть за исполненіемъ договора.

Лудвига XV., молодымъ прозвали Многолюбимымъ (Bien-Aimé); по смерти незабвеннымъ. Но онъ ничего недѣлалъ. Нищіе шлялись по улицамъ, а крестьяне умирали отъ голоду. Парламентамъ*) вмѣнялось въ обязанность записывать королевскіе декреты, и извѣстно, что когда Парижскій Парламентъ поднялъ голосъ, то Лудвигъ XIV. пришелъ

---

*) Ихъ было 13 и они имѣли право дѣлать представленія (rémontrances). Но такъ какъ они не избирались народомъ, то голосъ ихъ не слушался, а въ провинціяхъ, исключая Лангедока, вся власть была въ рукахъ управителей (Intendants généraux.)

въ него въ охотничихъ сапогахъ, съ хлыстомъ и сказалъ: „Государство это я.“

Гизо сказалъ, что только въ 1789 г. пришла Французамъ мысль быть свободными, или принимать участіе въ управленіе ихъ отечествомъ; но онъ забывалъ о присягѣ тіерсъ-эта въ 1618 г.

Газеты не играли роли, которую онѣ играютъ теперь, но уста не были заперты семью печатями. При самомъ дворѣ собирались разговорщики у окна, которое прозвалось Oeil de Boeuf и толки расходились по городу, гдѣ салоны составляли общественное мнѣніе.

За Духомъ Законовъ Монтескьё послѣдовалъ Общественный договоръ Ж. Ж. Руссо. Энциклопедисты распространили ученіе своей философіи, а Вольтеръ представлялъ одинъ собою цѣлую энциклопедію, но людямъ обвиняющимъ въ революціи Вольтера и Руссо, мы совѣтуемъ прочесть пѣснь Беранже:

C'est la faute de Rousseau, c'est la faute de Voltaire.

Виною революціи были Бурбоны, Людовиги XIV. и XV., особенно первый.

Финансы находились въ жалкомъ положеніи. Откупщики (fermiers généraux) грабили народъ; на-

логи собирались съ удивительными издержками и взятки не переставали. Спекуляціи Ло погрузили въ разорѣніе частныхъ лицъ и акціи компаніи Миссисипской удивили паденіемъ курса, столько сколько въ началѣ вскружили всѣмъ головы возвышеніемъ своей цѣны. Войны стоили дорого, а ассигнаціи Французскія за границей не принимались. Государство явно шло къ катаклизму и въ немъ не было клапановъ предосторожности (soupapes de sûreté), институцій, которыя бы могли его спасти. Короли Франціи отнимали постепенно права дворянства и духовенства и ихъ воля была закономъ: Si veut le roi, si veut la loi; но неопредѣленность, которая существовала въ правѣ налагать подати и въ правахъ наслѣдственныхъ парламентовъ сохраняла трѣнія ведущія къ неудовольствіямъ.

ЛУДВИГЪ XVI.

Въ это-то затруднительное время взошелъ на престолъ Лудвигъ XVI., человѣкъ добрый, но слабый и недальновидный. Онъ предпочиталъ спокойствіе хлопотамъ, хорошій столъ хорошему совѣту,

охоту государственнымъ занятіямъ, и когда онъ выходилъ изъ экипажа и шатался отъ усталости, люди думали, что онъ пьянъ, потому что онъ просиживалъ долго послѣ стола въ какомъ-то забытьи. *)

Марья Антуанета была Нѣмецкая красота: кожа ея была такъ прозрачна, что не принимала тѣни, а походка ея звалась лучшею во всей Франціи.

Къ несчастію она вмѣшивалась въ дѣла, интриговала, слезами удерживала министровъ, а народъ ее не любилъ и звалъ Австрійкой. Австрія имѣла въ самомъ дѣлѣ пагубное вліяніе на Францію и уплатила услуги обыкновенною своею неблагодарностію.

Братъ короля, Дюкъ д'Артуа поддерживалъ министровъ, которые ему давали деньги, и востовалъ противъ тѣхъ изъ контролеревъ, которые показывали себя менѣе снисходительными, а Герцогъ Орлеанскій, прозванный потомъ *Egalité*, либеральничилъ, снискивалъ народность, дѣлалъ оппозицію и въ нотабляхъ и въ парламентѣ. Ни его поведеніе, ни его характеръ не нравились народу, но когда парламентъ (1873) отказался записать законы Бріенна, объявляя, что налоги должны быть вотированы государственными шта-

*) См. Am. Renée Louis XVI. et sa Cour.

тами, когда ни королевскій приказъ (séance royale) ни изгнаніе парламента въ Труа, ни арестація трехъ членовъ не помогли, то изгнаніе Д'Орлеана сдѣлало его популярнымъ.*)

Лудвигъ XVI. былъ бы отличнымъ конституціональнымъ королемъ, еслибъ онъ родился въ Англіи, а потому самому онъ не могъ быть хорошимъ самодержцемъ.

Ни Тюрго ни Некеръ не были геніями. Тюрго былъ физіократъ, онъ видѣлъ богатство въ одной землѣ, покровительствовалъ помѣщикамъ и налагалъ ихъ однихъ. Люди съ деньгами казались ему безъ привязи къ отечеству. Онъ придерживался свободѣ промышленности и потому уничтожалъ цѣхи. Но въ политикѣ, если онъ и совѣтовалъ дать конституцію **), то о представительности народной онъ не имѣлъ точнаго понятія.

Некеръ былъ иностранецъ (Женевецъ) и протестантъ, но если по этой послѣдней причинѣ, духовенство ему противолось, то первый титулъ во Фран-

---

*) Должности судей будучи наслѣдственны, парламентъ состоялъ большею частію изъ молодыхъ людей. Въ этомъ дѣлѣ Еспремениль пріобрѣлъ себѣ имя и славу.

**) „Tout le mal vient de ce que la France n'a pas de Constitution.“ (Mémoire au Roi.)

ціи не составлялъ возраженія. Некеръ былъ человѣкъ практическій. Онъ придерживался Англійскимъ учрежденіямъ, но не имѣлъ рѣшимости приспособить ихъ къ Франціи. Онъ жертвовалъ своимъ состояніемъ въ пользу общую и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ въ торговлѣ; но когда онъ назначенъ былъ во второй разъ министромъ, то онъ пророчески воскликнулъ: Теперь слишкомъ поздно (C'est trop tard). Въ промѣжуткѣ его администраціи, Каллонь и Бріенпь испортили что могли. Первый исполнялъ всѣ желанія двора*), а второй мечталъ быть Ришелье, между тѣмъ какъ онъ былъ только позоромъ духовнаго сана.

Лудвигъ хотѣлъ, чтобъ народъ былъ счастливъ, но не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ свободенъ.

Нотабли, которыхъ собиралъ Каллонь и которые его свергнули были снова созваны Некеромъ (6го Декабря 1788 г.) чтобъ опредѣлить собраніе Штатовъ, уже обѣщанныхъ королемъ. Они рѣшили, что собственность не должна опредѣлять избирательность. Третій классъ всегда посылалъ болѣе депутатовъ нежели два первые, но не принявъ за правило общія

*) Королевѣ просившей денегъ онъ сказалъ: „Если можно, то это уже сдѣлано, а если нельзя, то будетъ сдѣлано.“

засѣданія всѣхъ классовъ, Некеръ показалъ отсутствіе логики и характера. Лѣто 1789 г. было сухо, а градъ 13. Іюня безпримѣренъ; зима же этого года была чрезвычайно холодна. Общій голодъ произвелъ неудовольствія, и Парижъ необошелся безъ мятежа при выборахъ.

1789.

Перваго Мая 1789го года съѣхались штаты въ Версалѣ. Втораго числа они допущены были къ лобызанію руки королевской во дворцѣ. Передъ дворянами и духовенствомъ отпирались двери настишь; передъ мѣщанами одна половина запиралась.

Четвертаго числа король открылъ засѣданія. Послѣ рѣчи онъ накрылся. Третій классъ надѣлъ также шляпы по примѣру другихъ классовъ. Король смутился, снялъ шляпу и вышелъ.

Напрасно, въ 1614 г. представители третьяго класса просили, чтобъ духовенство и дворянство допустили ихъ младшихъ братьевъ до равенства; но прежде 1614 г. засѣданія были общія. Нынѣ

мѣщане считали двойное число представителей.*) Только, они не подавали голоса по числу представителей, а въ купѣ какъ классъ. Погибель Французскаго дворянства и была въ томъ, что оно всегда видѣло въ себѣ касту, превилигированную касту, а не возсходило до возрѣнія англійской аристократіи составлявшей политическое тѣло. А что было мѣщанство во Франціи? Если высшее духовенство составляло дворянство особаго рода, то нисшее причисляло себя къ народу. Богатые торговцы, умные адвокаты, ученые литераторы принадлежали также къ третьему классу, составляя дворянство ума. Третій классъ начинался въ дворянствѣ и оканчивался въ сердцѣ народа. Онъ не имѣлъ никакихъ правъ, а долженъ былъ получить ихъ всѣхъ. Онъ былъ ничѣмъ, а по словамъ Сіеса, долженъ былъ сдѣлаться всѣмъ.

Дворянство и духовенство отправились повѣрять выборы въ свои залы, а третій классъ остался въ бездѣйствіи, требуя общаго повѣренія. 14. Іюня,

---

*) 600, а дворянства 300 и духовенства 300 членовъ. Однихъ адвокатовъ считалось 370. Парижъ, единственный городъ допущенный до избраній, какъ городъ, выслалъ 20 депутатовъ. Въ ихъ числѣ Астрономъ Байи, докторъ Гюльотинъ и аббатъ Сіесъ.

онъ назвалъ себя „Народнымъ собраніемъ,“ но когда онъ нашелъ двери запертыми по случаю приготовленія залы къ королевскому засѣданію, то онъ отправился въ залу Jeu de paume, и торжественно поклялся тамъ даровать конституцію Франціи. 23го Іюня, Король объявляетъ, что штаты должны засѣдать отдѣльно, исключая предметовъ не касающихся до конституціи и до правъ сословій. „Иначе, какъ единственный представитель народа, онъ одинъ составитъ его счастіе.“

Король вышелъ, весь третій классъ блѣднѣлъ, но мощный голосъ Мирабо раздался и событія приняли другое направленіе. Остановимся передъ этимъ лицемъ, долженствующимъ играть столь важную роль въ этой исторіи. Мирабо, Маркизы Де Рикети были Флорентинскаго происхожденія. Дѣдъ оратора былъ храбрымъ воиномъ (Col d'Argent), отецъ экономистомъ (Ami du Peuple). Самъ онъ пріобрѣлъ имя своими сочиненіями (Monarchie Prussienne, Despotisme, и пр.) Онъ провелъ молодость въ тюрьмахъ, въ долгахъ. Его не любилъ отецъ и онъ не любилъ свою жену. Онъ представился было въ Марселлѣ депутатомъ дворянства, но ему отказали, подъ предлогомъ, что онъ управлялъ ленною (fief) собственностію, а не своею; тогда онъ пере-

шелъ къ тіерсъ-эта и былъ выбранъ депутатомъ Экса.

Но едва Мирабо началъ рѣчь свою, какъ входитъ приставъ (huissier) Де Брезе и напоминаетъ о приказаніи короля разойтиться. — Мы здѣсь по велѣнію народа, отвѣчаетъ Мирабо, и выдемъ только силою штыковъ. Соборъ рѣшаетъ, что члены его неприкосновенны.

Двадцать шестаго Іюня, король приглашаетъ дворянство соединиться съ другими классами, и въ этой мѣрѣ представители народа не видятъ слабости, а видятъ доброту и рады мириться, но дворянство протестуетъ, и дворъ собираетъ войско; но войско зараженно сочувствіемъ съ народомъ. 14го Іюля Некеръ отставленъ.

Въ Пале-Роялѣ народъ собирался уже давно. Этотъ день Камилль Демулянъ взлѣзаетъ на стулъ и говоритъ: — Должны ли мы умереть какъ зайцы, которыхъ загоняютъ? Къ оружію! Но чтобъ узнать друзей, примемъ кокарду. Хотите красной цвѣтъ свободы, синій Парижа или зеленый надежды?

— Зеленый, отвѣчаетъ народъ, и въ мигъ листья деревъ переходятъ въ петли платьей. Народъ хлынулъ къ ратуши, совѣтники скрылись, а Маршалъ Брогли занялъ войскомъ дорогу до Версаля.

Въ понедѣльникъ народъ вооружился, въ св. Ла-

зарѣ нашелъ онъ запасы хлѣба, въ этотъ голодный годъ, и отправилъ ихъ на рынокъ. Лафорсъ, тюрьма должниковъ, была также отперта.

Четырнадцатаго Іюня, Парижане осаждаютъ Бастилью,*) защищаемую нѣсколькими Инвалидами и Швейцарцами, между тѣмъ какъ Французская Гвардія приходитъ на помощъ къ народу съ пушками.

Комендантъ Де Лоне держалъ фитель, чтобъ взорвать пороховой магазинъ, но два унтеръ-офицера вырвали его изъ рукъ его; получивъ обѣщаніе, что гарнизонъ будетъ пощаженъ, крѣпость сдалась.**) Въ ней нашли только семь заключенныхъ: изъ нихъ четыре дѣлателя фальшивыхъ векселей, два ума лишенныхъ и Графъ Соланжъ, заключенный по просьбѣ его отца. Де Лоне потащили въ ратушу, но убили на дорогѣ, и голову его въ тріумфѣ понесли на пикѣ. Капитулація не была сдержана для многихъ офицеровъ и инвалидовъ.

---

*) Лудвигъ XVI. желая знать общественное мнѣніе, препоручилъ книгопродавцу Блезо (Blaisot) доставлять ему выходящія книги и брошюры. Министръ Бретёль, узнавъ объ этомъ, засадилъ Блезо въ Бастилью, но король не получая книгъ, провѣдалъ истину, освободилъ Блезо и далъ выговоръ Бретёлю

**) При осадѣ со стороны народа убито было 83 человѣка.

Между тѣмъ Собраніе народное въ Версалѣ превозгласило, что Некеръ уноситъ съ собою сожалѣнія народа и посылала нѣсколько депутацій къ королю, для отозванія войскъ, но король ихъ не принималъ, а когда Герцогъ Ліанкуръ принесъ ему извѣстіе о взятіи Бастиліи, Людвигъ воскликнулъ: — Но это бунтъ. — Нѣтъ В. В., отвѣчалъ герцогъ, это революція.

Де Брогли, Полиньякъ, Д'Артуа бѣжали за границу, а семидесятилѣтняго министра Фулона Парижане убили.

На другой день, добрый король явился самъ въ народное собраніе, объявить, что войска ушли и что всѣ причины къ непріязнѣ устранены. Восторгъ дѣлается общимъ и примиреніе сердечно.

Избиратели дали своимъ представителямъ письменныя инструкціи (cahiers des doléances), въ которыхъ содержались требованія реформъ. Духовенство желало сохранить господство Римской вѣры и монополію народнаго воспитанія; но дворянство показывало себя либеральнѣе, требовало вѣротерпимость, уваженіе тайны писемъ, свободу книгопечатанія, введеніе присяжныхъ въ процессахъ противъ прессы, лучшее обращеніе съ народомъ, свободу внутренней торговли, уничтоженіе цѣховъ. Третій же классъ

явно не довольствовался тѣмъ, чтобъ другіе заботились о его счастіи, онъ хотѣлъ самъ приложить руку къ рулю правленія. Но этотъ третій классъ былъ въ сущности только средній классъ, а народъ, въ собственномъ значеніи, могъ назваться четвертымъ классомъ. Барщина (corvées) была уничтожена въ Иль-де-Франсѣ (Сейнскій департаментъ) уже въ 1777 г., а въ остальныхъ провинціяхъ Людвигомъ XVI. еще до революціи. Но такъ какъ всѣ инструкціи требовали отъ дворянъ не только сохраненія, но даже разширенія ихъ привилегій, засѣданіе 4го Августа останется тѣмъ славнѣе, что они охотно отказались отъ всѣхъ своихъ титуловъ и преимуществъ. Вслѣдствіе этого, народъ сталъ охотиться въ эту же осень, но это мало помогло голоду и лавки булочниковъ не переставали быть осаждаемы нуждающимися въ хлѣбѣ. Ненависть же къ аристократомъ не погасла въ нисшихъ слояхъ народа и что мы называемъ пролетаріями назывались тогда безпортошниками (Sansculottes), а хвостъ ихъ, или худшіе люди заслужившіе имя разбойниковъ прошлой зимой, разсѣялись по внутренности и опустошали замки дворянъ. 73 оныхъ разрушены были въ Бургундіи и Дофинеи.

Между тѣмъ собраніе народное занималось кон-

ституціею и Права Человѣка долженствовали служить введеніемъ къ оной. Мунье и Сіесъ вырабатывали ихъ каждый по своему, входя въ опроверженіе Руссо и теряя золотое время. Мирабо же былъ въ Англіи и вывезъ оттуда убѣжденіе, что ничего не выходитъ совершеннаго изъ рукъ человѣческихъ, но что зла больше или меньше, а въ Англійскихъ учрежденіяхъ наименьше другихъ. Но объ абсолютномъ вето монарха, онъ еще не имѣлъ точнаго мнѣнія.

Мирабо издаетъ Прованскій Вѣстникъ, Камилль Демуленъ Революціи Франціи и Брабанта, Маратъ Друга Народа. Броженіе умовъ чрезвычайно. Во всякомъ дистриктѣ Парижа засѣдаетъ клубъ; изъ нихъ клубъ Кордельеровъ, подъ предсѣдательствомъ Дантона, привлекаетъ наибольшее вниманіе. Національная гвардія, подъ предводительствомъ Лафайета, приняла въ свои ряды солдатъ помогавшихъ брать Бастилію, а астрономъ Байи городскою головою не можетъ привести комету народную въ правильное движеніе. Хвостъ ея (la queue) все еще толпится за хлѣбомъ, а вотъ дворъ призвалъ Фландрскій полкъ и даетъ банкетъ въ залѣ оперы. Король недоволенъ правами человѣка и жертвою дворянства титуловъ, но не желая ссоры, думаетъ уѣхать изъ Парижа, а королева, непонимая,

что Государь теперь народъ, раздаетъ бѣлыя кокарды, и на банкетѣ, въ которомъ участвуютъ и Швейцарцы, трехцвѣтная кокарда топчится ногами.

На улицахъ показалась не одна бѣлая кокарда, но и черная. Патріоты ихъ срываютъ въ грязь. Это происходило 4го Октября.

Представители разсуждали объ томъ: можетъ ли бунтъ составлять священнѣйшую обязанность, а Парижане подтвердили это на дѣлѣ. Нѣтъ, сами жены дѣлались львицами. Тысячъ десять ихъ, подстрекаемыя голодомъ, рынулись къ думѣ, и между тѣмъ какъ искали тамъ оружіе и находили нѣсколько денегъ, раздался голосъ пристава Майара: „Въ Версаль!“ Толпа повторила этотъ крикъ, пришли мужья, „центральные гренадеры національной гвардіи (бывшіе Gardes Françaises) и потощили съ собою Лафайета, прозваннаго Американскимъ Сципіономъ, на бѣлой лошади. Дорогой задерживали проѣзжающихъ, и прибывъ въ Версалль, послали въ Народное Собраніе депутацію требовавшую хлѣба и окончаніе дѣла. Такъ нѣкогда Римляне требовали хлѣба и зрѣлищей (panem et circenses.) — „Хлѣба и говорить съ королемъ“ пожелали Парижанки и отправились во дворецъ. Тѣлохранители королевскіе, съ большими бѣлыми кокардами, не пускали народъ; произошла

драка, было нѣсколько убитыхъ, но тѣлохранителей отправили въ Рамбуйе. Лафайетъ допущенъ во дворецъ, цалуетъ руку королевѣ, а народъ кричитъ: „Да зтравствуетъ Королева, да здравствуетъ Король, Король въ Парижъ!“

Шестаго Октября, въ часъ, король съ королевой и съ Дофиномъ, въ каретѣ, отправляются въ Парижъ, со свитою 200,000 человѣкъ, везущихъ хлѣбъ и говорящихъ, что они ведутъ булочника, булочницу и мальчика. Король въ отчаяніи, королевство въ униженіи, но нѣтъ ли тайныхъ пруженъ; кто стоитъ за ширмами? Д'Орлеанъ, Муніе надѣявшіеся, что это возстаніе народа понудитъ короля бѣжать въ Мецъ.

1790.

Король поселился въ Тюльери, народное или конституціональное собраніе переходитъ также въ Парижъ, сначала въ палаты бѣжавшаго архіерея, а потомъ въ залу манежа. Конституція выработывается тихо. Рѣшено (сурпризой Мурабо), что будетъ одна палата и засѣданія оной постоянны, Фран-

ція дѣлится на 83 департамента. Король имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ. Само правительство (Некеръ) предпочло отлогающее вето абсолутному, что намъ кажется и неизлишнею предосторожностію.

Четвертаго Февраля король приходитъ въ Собраніе и объявляетъ, что онъ со всѣми Французами радуется перерожденію Франціи.

Президентъ и всѣ присутствующіе торжественно присягаютъ констутуціи, и эта сцена повторяется въ городской думѣ.

Земли духовенства сдѣлались собственностію Государства, но ассигнаціи выпущенныя за ихъ цѣнность, принимались неохотно. Между тѣмъ, дворянство, не смотря на свои пожертвованія, было недовольно, смотрѣло, такъ сказать, въ лѣсъ, или за границу. Правда что правительство не имѣло силы заставить уважать собственность дворянъ, и продолжали разорять замки. Шевалье Фаврасъ былъ даже казненъ за мнимый заговоръ. Революція не сооруженіе порядка, а уничтоженіе злоупотребленій. Долгъ учредить новыя постановленія лежалъ на народномъ собраніи, и Французскій народъ, не получивъ политическаго воспитанія, не зналъ ожидать въ покоѣ довершенія дѣла его представителей.

Клубы имѣли цѣлію дѣйствовать на мнѣнія, или условливать дѣйствія сходныхъ во мнѣніи. Клубъ Якобинцевъ (названный по монастырю того имени гдѣ онъ засѣдалъ), прозвавшійся послѣ матерью обществъ (Société Mère) получилъ наибольшую важность. Въ немъ засѣдали Робеспіерръ и Мара.

Робеспіерръ, адвокатъ изъ Арраса, долженствовавшій играть столь важную роль, не блисталъ ни познаніями, ни умомъ. Онъ слишкомъ любилъ себя и власть, чтобъ любить свободу. Когда ему разъ говорили о республикѣ, онъ спросилъ: — Что такое республика? Онъ носилъ зеленый фракъ и имѣлъ дурное обыкновеніе грызть ногти.

Мара превосходилъ его въ кровожадности. Говоря о дворянъ онъ говорилъ: — Подайте мнѣ двѣсти браво Неаполитанскихъ, съ кинжалами въ правой рукѣ и съ муфтами въ лѣвой, и я извѣду эти двѣсти тысячъ аристократовъ.

Въ Корделіерахъ съ Дантономъ гремѣлъ Камилль Демулянъ, а въ клубѣ Фельянъ (также прозванномъ по монастырю того имени) или друзей монархической Конституціи, являлся Лафайетъ.

Естественно представлялась мысль и народу отпраздновать конституцію, торжественно покляться въ братствѣ другъ другу. Въ концѣ Мая Ліонская

національная гвардія праздновала Федерацію въ храмѣ Согласія и передъ статуею Свободы.

Парижъ рѣшилъ послѣдовать этому примѣру 14го Іюня, въ день взятія Бастиліи. Изо всѣхъ частей Франціи явились представители, и на Марсовомъ полѣ воздвигнуты были скамейки въ тридцать рядовъ въ верхъ, не плотниками, которые отказались поспѣть во время, но самимъ народомъ. Король, Народное Собраніе являются присягать: „Королю, Закону и народу.“ Таллейранъ благословляетъ знамена и дождикъ льется ливнемъ, но день проясняется, зрѣлище величественное*) и лодки съ пушками на Сенѣ присоединяютъ пальбу къ пѣнію Марсельезы.

Сохранить дисциплину войска, при всеобщемъ безпорядкѣ, было невозможно. Солдаты жаловались, что всѣ ихъ офицеры аристократы и что имъ не платятъ. Этотъ послѣдній пунктъ былъ особенно чувствителенъ для нанятыхъ войскъ — Швейцарцевъ и Нѣмцевъ. Послѣ присяги конституціи нельзя было ожидать, чтобъ солдаты стрѣляли на народъ и Мирабо требовалъ, чтобъ армія (280,000 ч.) была распущена. Въ Мецѣ, въ Августѣ мѣсяцѣ, гарнизонъ

*) Мы видѣли подражаніе ему въ 1849 г.

взбунтовался и былъ усмиренъ только уплатою половины должныхъ ему денегъ. Въ Нанси взбунтовались полки Шато-Вьё и Королевской. Инспекторъ Малсейнъ бѣжитъ въ Люневиль, но полкъ Метръ-де-Камъ возвращаетъ его оттуда силою и сажаетъ въ тюрьму. Генералъ Буйе, командующій этимъ округомъ, явился изъ Меца, съ слабымъ отрядомъ, ворвался въ городъ и кровопролитіемъ усмирилъ бунтъ. Народное Собраніе въ Парижѣ изъявило ему благодарность. Вотще предмѣстіе Св. Антонія требовало, чтобъ его отдали подъ судъ за убіеніе патріотовъ. Тысячъ тридцать жителей этого революціоннаго округа ходили къ министерству военному, требуя отставку министра. Встрѣтивъ заряженныя пушки, они воротились съ ничѣмъ. Естественно является мысль, что еслибъ Буйе командовалъ въ Парижѣ, то онъ бы сохранилъ порядокъ и тамъ. Но въ Нанси былъ бунтъ, а въ Парижѣ революція, которой ни хлѣбомъ, ни ядрами удовлетворить было невозможно. Какъ бы то ни было, затѣйщики бунтавъ полку Шато-Вьё были повѣшены или сосланы на галеры; король благодарилъ Буйе собственноручнымъ письмомъ, а Некеръ, испугавшись, бѣжалъ въ Швейцарію.

Но хлѣба все нѣтъ. Булочникъ, у котораго

нашли невѣрные вѣсы былъ повѣшенъ, и городская дума превозгласила военное право (loi martiale) подъ краснымъ знаменемъ.

Хлѣбъ такъ дорогъ, что люди богатые, приглашенные къ обѣду, приносятъ его съ собою. За то журналовъ расплодилось въ Парижѣ до 140, а Общество Матери родило до 300 дочерей въ провинціи. Зима опять была холодна, а работы не было.

1791.

Января 21го Король принужденъ былъ подписать гражданское учрежденіе для духовенства съ исключеніемъ диссидентовъ. Недовольствуясь быть наслѣдственнымъ представителемъ народа и не видя возможности призвать Буйе къ себѣ на помощъ, между тѣмъ какъ двоюродный братъ его Лафайетъ не въ фаворѣ при дворѣ, Лудвигъ рѣшается бѣжать въ лагерь къ Буйе. 19го Февраля, тетки Короля отправляются съ ескортомъ за границу. Въ Арне ле Дюкъ ихъ останавливаетъ народъ; но національное собраніе разрѣшаетъ имъ выѣздъ.

Февраля 28го Сенъ Антуанцы идутъ разорять

Вянсень, которой правительство перестраивало для тюремъ, но Лафайетъ поспѣлъ во время, чтобъ отклонить патріотовъ отъ ихъ предпріятія. Возвратившись же въ Парижъ, онъ встрѣтилъ другое скопище народа въ Тюльери. Черные рыцари, рыцари кинжаловъ, т. е. роялисты бѣжали стремглавъ, обезоруженные патріотами, съ согласіемъ короля, который велѣлъ своимъ неловкимъ защитникамъ выдать оружіе. Лафайетъ спасъ нѣкоторыхъ не безъ упрека.

Марта 24го скончался Мирабо, оставивъ то мнѣніе въ народѣ, что онъ былъ подкупленъ дворомъ. Жалованіе представителя народнаго не покрывало издержекъ его и онъ уже давно былъ на сторонѣ конституціи противъ Якобинцевъ. Возставая противъ закона объ эмигрантахъ, онъ привелъ въ трепетъ Робеспіерра и его друзей, повелѣвъ имъ молчать („Silence aux trente voix“).

Онъ имѣлъ тайное свиданіе съ королевой въ Сянъ-Клу, и когда дѣло шло о бѣгствѣ въ Мецъ, то онъ долженъ былъ сдѣлаться головою, а Буйе рукою новаго министерства.

Еслибъ онъ прожилъ дольше, онъ спасъ бы и короля и Францію отъ послѣдующихъ несчастій. Народъ это понялъ, отдавъ ему погребальныя почести, которыхъ едва ли кто другой удостоился. Его по-

хоронили, въ Пантеонѣ, театры была заперты три дни и ни одинъ кучеръ не смѣлъ ѣхать по улицѣ скоро. Мѣсто Мирабо въ Народномъ Собраніи осталось пусто, и когда возникали трудные вопросы, глаза обращались на это мѣсто, вотще ожидая разрѣшенія ихъ отъ генія, котораго не стало. Похороны были 4го Апрѣля и болѣе ста тысячи людей шли за гробомъ великаго оратора. Еслибъ Лудвигъ XVI. довѣрялъ бодѣе Некеру, а потомъ Мирабо, онъ бы избѣгнулъ жалкую свою участь.

Апрѣля 15го, Король собрался въ Сянъ-Клу, на пасху; но народъ полагая, что оттуда онъ уѣдитъ заграницу, столпился вокругъ кареты; семь часовъ продолжались переговоры, вотще Лафайетъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ освободить королевскій экипажъ. Король предпочелъ отказаться отъ своего проэкта нежели дозволить кровопролитіе, воротился во дворецъ и провелъ святую недѣлю въ столицѣ.

Но что отложено непотеряно и лучшій планъ созрѣваетъ въ тиши. Король Шведскій Густавъ объявилъ себя рыцаремъ Маріи Антуанеты и Графъ Ферзенъ съ Шуазелемъ придумываютъ планъ освобожденія короля и королевы Франціи. Въ одну прелестную Іюнскую ночъ, фіакръ становится на улицѣ Echelle, близъ церкви Сянъ Рока; самъ Фер-

зенъ на козлахъ. Король, сестра его Елизавета садятся въ нее, потомъ Королева, передѣтая въ горничную, приходитъ съ дѣтьми, въ то время какъ Лафайетъ, извѣщенный Капитаномъ Гувіономъ, которому придворная горничная разсказала заговоръ, въѣзжаетъ во дворецъ, но ничего не открываетъ.

Дорожная карета, съ иголочки, ждала между тѣмъ августѣйшихъ путешественниковъ у воротъ Клиши и подъ именемъ Русской Баронессы Корфъ, королева и король въѣхали въ Бондійскій лѣсъ, сопутствуемые двумя передѣтами тѣлохранителями и выѣхали на дорогу въ Мецъ.

Друе, стаціонный смотритель въ Варенне, узналъ короля, ударилъ въ набатъ и національная гвардія сбѣжалась со всѣхъ сторонъ, въ такомъ количествѣ, что драгуны и гуссары Буйе, разставленные по всей дорогѣ, ничего не могли сдѣлать и народъ принудилъ карету ѣхать назадъ въ Парижъ. Друе не Сузанинъ, король не показалъ себя героемъ, но и Французскій народъ невѣрноподданный. Народное Собраніе выслало трехъ коммиссаровъ на встрѣчу бѣглецамъ. Барнавъ и Петіонъ сѣли къ нимъ въ карету, а Латуръ-Мобуръ въ бричку (chaise de poste) къ горничнымъ. Барнавъ понравился королю своимъ поведеніемъ, а Петіонъ скандализировалъ своимъ

патріотическимъ неприличіемъ. Возвратъ былъ унизителенъ; но народъ объявилъ, что кто обидитъ короля будетъ прибитъ, а кто ему станетъ рукоплескать будетъ повѣшенъ.

Народное Собраніе долго спорило о низложеніи короля, но Барнавъ, и Ламетъ, присоединившись къ его защитникамъ, отстояли Его Величество, и ревизированная конституція была представлена на его утвержденіе. За нимъ послѣдовало перемиріе народа съ Лудвигомъ; его встрѣтили въ театрѣ съ рукоплесканіями.

Конституціональное Собраніе, окончивъ такимъ образомъ свое призваніе, разошлось и было замѣненно Законадательнымъ Собраніемъ, въ которое ни одинъ членъ перваго не долженъ былъ быть принятъ.

Конституціональное Собраніе засѣдало 29 мѣсяцовъ и выдало 2500 законовъ. Законадательное правленіе открылось 1го Октября 1791 г. и состояло изъ 745 членовъ, изъ которыхъ адвокатовъ было около 700.

Между тѣмъ Карпентрасъ, самый некрасивый городъ Франціи, велъ войну съ папскимъ городомъ Авиньономъ, но Авиньонъ былъ присоединенъ къ Франціи и въ немъ самомъ патріоты возстали противъ аристократовъ.

Правда, что эти послѣдніе сперва воздвигнули

четыре висилицы, на которыхъ народъ повѣсилъ четырехъ папистовъ. Двидцатаго Ноября патріотъ Лескюе пошелъ въ церковь Корделіеровъ посмотрѣть правда ли, что богородица тамъ плачетъ отъ принятія конституціи, какъ разсказывали паписты? Его тамъ задушили, затолкали де смерти. Журданъ головорѣзъ повезъ его трупъ въ тріумфѣ по городу и въ возмѣздіе убилъ 130 аристократовъ въ Ледяной башнѣ (Glacière). Народное Собраніе нарядило слѣдствіе, пришли драгуны, Журданъ былъ схваченъ, но Собраніе пожелало амнистію, миръ, и онъ былъ выпущенъ на волю.

1792.

Законадательное Собраніе также раздѣлилось на лѣвую и правую сторону; только крайняя лѣвая будучи возвышеннѣе, назвалась горою (Montagne), а въ противуположность ей середина получила названіе долины. Депутаты Жиронды ознамѣповали себя впослѣдствіи подъ именемъ Жирондистовъ. Верніо, Брассо, Женсонне, Валезъ, Гуаде, Дюко сдѣлались самыми знаменитыми изъ нихъ. Философъ Кондорсе присоединился къ нимъ. Они составляли чисто

лѣвую сторону, т. е. либеральную. На правой сторонѣ, или на сторонѣ королевской, хотя дворянъ почти уже не было, сдѣлались замѣчательными Жокуръ, Вобланъ, Дюма, Феодоръ Ламетъ.

Конституція 1791 г., которой торжественно присягнуло новое собраніе и которую подтвердилъ король, не могла идти. Она вызывала треніе между исполнительной и законадательной властью, потому что не было двухъ палатъ, которыя бы повѣряли и умеряли одна другою, потому что временное вето короля вызывало бой страстей и приглашало Собраніе такъ сказать оставаться при своемъ мнѣніи, а король не могъ оное распустить и вызвать тѣмъ рѣшеніе народа. Составляя новое Собраніе, надо открыть доступъ онаго значительной части выходящихъ членовъ; между тѣмъ какъ исключая членовъ конституціональнаго собранія изъ законадательнаго и запрещая имъ доступъ публичныхъ должностей на два года, лишали новое собраніе опытности стараго, а короля возможности составить хорошее министерство, тѣмъ болѣе что изъ новыхъ членовъ ему также не дозволялось выбрать себѣ министровъ. Трудно было рѣшить кто вредилъ королю болѣе: эмигранты или Якобинцы, но онъ долженъ былъ бы держаться отъ первыхъ также далеко какъ отъ другихъ.

Между тѣмъ Байи вышелъ въ отставку, головою Парижа можно было выбрать Лафайета, но Лафайету дворъ не довѣрялъ и предпочелъ ему Петіона; національная же гвардія осталась безъ генерала и полковники замѣнили его, но были не въ состояніи поддерживать въ ней общій духъ.

Выборъ Нарбоня въ министры былъ счастливъ, но министры не будучи членами народнаго собранія и не могли располагать въ немъ большинствомъ голосовъ. Нарбонь не удовлетворялъ ни двору ни либераламъ, еще менѣе его товарищи Моллевиль и Делессаръ. Король старался только доказать, что конституція не можетъ идти.

Гражданское учрежденіе духовенства было большимъ камнемъ преткновенія. Первое Собраніе объявило неспособными къ должностямъ священниковъ не присягавшихъ конституціи; но второе ушло далѣе и рѣшило, что по доносу 20 дѣйствительныхъ гражданъ, утвержденному директоромъ департамента, такаго рода попы отправлялись въ сылку. Это уже было нарушеніемъ терпимости мнѣній.

Ноября 9го, оно предписало, что эмигранты, которые не воротятся до 1го Января слѣдующаго года во Францію, будутъ лишены своихъ правъ и имѣнія ихъ конфискованы.

Герцоги Прованскій (впослѣдствіи Лудвигъ XVIII.) и д'Артуа (послѣ Карлъ X.) бѣжали въ Кобленцъ, гдѣ Курфюрстъ Тріерской ихъ принялъ какъ плѣмянниковъ. (Они оба были братья короля а курфюрстъ былъ женатъ на теткѣ его.) Вокругъ ихъ рой Французскихъ дворянъ основалъ тамъ свое мѣстопребываніе. Они составили десяти тысячное войско, изъ офицеровъ, безъ солдатъ, одѣтыхъ въ синіе мундиры, красные жилеты и нанковые штаны.

Баронъ де Бретёль объѣзжалъ всѣ двора, чтобъ расположить ихъ на защиту Лудвига. Наконецъ въ Пильницѣ (возлѣ Дрездена) составилась конфедерація между королемъ Прусскимъ и Императоромъ Леопольдомъ Австрійскимъ. Герцогъ д'Артуа явился туда и убѣдилъ брата Маріи Антуанеты вмѣшаться въ дѣла Франціи. Напрасно Нарбоннъ, который слушалъ Мадамъ де Сталь, послалъ Сегюра въ Берлинъ, чтобъ отдѣлить Пруссію отъ Австріи. Вѣря словамъ Мирабо, что Пруссія бѣдная и жадная земля, гдѣ за деньги можно купить всѣ тайны. Сегюрь привлекъ на свою сторону Графиню Дашкову, одну изъ любовницъ короля, но увидалъ, что планы его извѣстны и съ отчаянія посягнулъ на свою жизнь.

Императоръ Австрійскій объявилъ, что онъ

будетъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ права своихъ подданныхъ, имѣющихъ земли въ Алзасѣ, которыя у нихъ хотѣли бы конфисковать, какъ у эмигрантовъ.

Законадательное Собраніе потребовало, чтобы король отвѣтилъ на это ультиматомъ и хотѣло ему предписовать его дипломатическія отношенія, на что король возразилъ протестаціею противъ вмѣшательства въ права престола.

Эмиграція есть право естественное, къ которому особенно прибѣгаютъ во времена смутныя, и объявлять его преступленіемъ неосновательно. Но коли скоро эмигранты прибѣгаютъ къ оружію, вызываютъ междоусобную или внѣшнюю войну, становясь въ ряды враговъ отчизны, то они подлежатъ всѣмъ строгостямъ законовъ, если эти законы могутъ ихъ достигнуть.

Король между тѣмъ прибѣгалъ къ средствамъ недостойнымъ, подкупалъ себѣ приверженцевъ. Сами руки Дантона не остались чистыми, а вѣрность его королю продолжалась еще менѣе денегъ имъ полученныхъ. Подкупались журналисты, члены Собранія и завелись наемные рукоплескатели въ галереяхъ Собранія, въ театрахъ и на улицахъ. Но обманъ внѣшній еще болѣе ранялъ короля во мнѣніи общественномъ.

Роялисты вредили королю внутри Франціи еще болѣе нежели внѣ оной. Они думали, что злоупотребленія революціи ея погубятъ, и вмѣсто того чтобъ защищать конституцію, подстрекали Якобинцевъ.

Положеніе короля было до нельзя фальшиво. Ему, наслѣдственному монарху лишенному самодержавія, препоручено было блюсти надъ ограниченіями своей власти: онъ былъ мученикомъ гораздо прежде своей казни.

Министры хотѣли войны, Жирондисты, уже склонявшіеся къ республикѣ, ее требовали. Одинъ Робеспіерръ, въ клубѣ Якобинцевъ, отстаивалъ миръ, и онъ былъ правъ. Новый порядокъ вещей былъ еще въ зародошѣ и не требовалъ кроваваго крещенія, а угрозы эмигрантовъ еще несоставляли нападенія на Францію. Но чужія державы готовились, а Франція еще не была готова къ войнѣ. Рѣшено было составить лагерь 20,000 волонтеровъ, въ окрестностяхъ Парижа, но король не рѣшался утвердить эту мѣру.

Въ февралѣ скончался Императоръ Леопольдъ, отъ яда или отъ конфортотивовъ, которыхъ онъ самъ приготовлялъ. Ему наслѣдовалъ Іосифъ II. и война дѣлалась еще болѣе вѣроятною. Густавъ, Король Шведскій, другой врагъ Французской революю-

ціи, былъ убитъ Акерштрёмомъ, въ ночь 13—14 Марта.

Король смѣнилъ внезапно Нарбоня, а Собраніе отдало Делессара, министра иностранныхъ дѣлъ, подъ судъ, 10. Марта. Лудвигъ покорился Жирондистамъ и принялъ министерство изъ ихъ рукъ. Роланъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ, а Дюмурье иностранныхъ дѣлъ. Роланомъ управляла жена его, дочь Парижскаго гравера, республиканка въ душѣ. Дюмурье былъ искатель приключеній, человѣкъ съ талантомъ, но безъ добродѣтели; храбрый, но безъ убѣжденій, честолюбивый и сладострастный. Онъ хотѣлъ спасти и короля и королеву. Король согласился на учрежденіе лагеря, но былъ непреклоненъ насчетъ духовенства. Онъ былъ набоженъ и вѣра его непозволяла ему обидѣть священство. Его духовникъ никогда не присягалъ конституціи. Клавіеръ, соотечественникъ и соперникъ Некера былъ назначенъ министромъ финансовъ, а Серванъ военнымъ министромъ.

Апрѣля 21го послѣдовало объявленіе Франціи войны Австріи.

Лафайетъ былъ назначенъ начальникомъ Французскихъ войскъ въ Бельгіи. Дюмурье ожидалъ, что онъ взбунтуетъ жителей, но Лафайетъ научился

въ Америкѣ щадить людей, а кто не рискуетъ тотъ и не выигрываетъ.

Союзники препоручили войска свои Герцогу Брунсвигскому, который основалъ главную квартиру свою въ Кобленцѣ.

Между тѣмъ Лудвигъ послалъ секретнаго агента, Женевца Малле-Дюпома въ союзный лагерь просить непріятелей различить въ ихъ манифестѣ французскую націю отъ революціонеровъ. Манифестъ этотъ, внушенный Калонномъ, былъ написанъ эмигрантомъ маркизомъ Лимономъ и подписанъ Брунсвигскимъ герцогомъ. Онъ объявилъ войну на смерть свободѣ и ея защитникамъ во Франціи.

Дюмурье потребовалъ шесть милліоновъ тайныхъ фондовъ, употреблялъ ихъ на подкупку Якобинцевъ и Фейановъ и не хотѣлъ давать отчета. Роланъ, съ своей стороны, или лучше сказать, жена его написали королю двухсмысленное письмо, которое можно было бы показать Собранію для прикрытія министерской отвѣтственности.

Король просилъ Дюмурье составить новое министерство, но едва оно было назначено, какъ и самъ Дюмурье почелъ себя вынужденымъ выдти въ отставку.

Герцогъ Лаузенскій (генералъ Бирон) былъ

разбитъ Болье при Кіевренѣ и потерялъ свой экипажъ, при бѣгствѣ своихъ войскъ. Люкнеръ былъ назначенъ начальникомъ на мѣсто Рошамбо, а Лафайетъ переведенъ на Рейнъ.

Возмутители народа рѣшили употребить эту неудачу, чтобъ нанести новый ударъ двору. Дантонъ, Сантерръ, пивоваръ предмѣстія св. Антона, мясникъ Лежандръ, Мара собрались въ Шарантонѣ, въ домѣ Дюмулена, и условились поднять народъ, чтобъ требовать возвращенія министровъ.

Двадцатаго Іюня, 30,000 народа наводнили улицы Парижа и направились къ дворцу. Бывшій маркизъ Санъ-Гюражъ предводительствовалъ отрядомъ Пале-Рояля. Лютихская красавица, Теруань де Мерикуръ вела третій корпусъ. Полякъ Лазускій отличался возлѣ Генріо. Мясники несли телячье сердце пронзенное пикою съ надписью: „Сердце аристократское.“ Тряпочники несли разорванные портки съ надписью: „Трепещите тираны вотъ Санкюлоты!“ Толпа эта пѣла:

Ça ira, ça ira,
Les aristocrates on les pendra.

Она нахлынула въ Народное Собраніе. Гегенянъ прочелъ прошеніе и депутація прошла въ тріумфѣ по залѣ. Приверженцы короля собрались

во кругъ его во дворцѣ. Толпа ломала двери. Король предсталъ передъ нею съ твердымъ видомъ.

Нѣсколько гренадеровъ защищали его своими тѣлами и штыками отъ покушеній убить его. Ему подали красную шапку, онъ ее надѣлъ; нищій подалъ ему бутылку, чтобъ пить на здоровье націи, онъ выпилъ, и когда гренадеръ сказалъ ему: „Не бойтесь государь,“ онъ положилъ его руку на сердце, и молвилъ: „Посмотри, бьется ли оно больше обыкновеннаго?“ Это мужество обезоружило народъ. Между тѣмъ королева была предметомъ рыночной брани бабъ и сносила ее съ такимъ хладнокровнымъ достоинствомъ, что самъ Сантерръ былъ тронутъ и сказалъ: „Ваши друзья вамъ дурно служатъ, есть люди, которые бы вамъ лучше совѣтовали бы.“ Послѣ пяти часовъ страшнѣйшихъ сценъ, явился Петіонъ и убѣдилъ народъ уйдти. Король неуступилъ требованіямъ, и на другой день, всѣ честные люди явно изъявляли свое сочувствіе съ Государемъ.

Лафайетъ, узнавъ объ обидѣ нанесенной королевству, прискакалъ въ Парижъ; но вмѣсто того, чтобъ арестовать Якобинцевъ, онъ явился въ Законадательное Собраніе и чуть чуть не попалъ подъ судъ.

Въ Вандеи, въ Желсѣ были возстанія за духовенство и дворянство, но народъ восторжествовалъ надъ ними. Дюссальанъ и Ла Бастидъ погибли.

Барбару, уроженецъ Марсельской, присоединился къ Жирондистамъ и выписалъ изъ Марселя въ лагерь охотниковъ 1,500 человѣкъ, частію Піэмонтесцевъ, частію людей отчаянныхъ, чтобъ поддержать патріотизмъ Парижанъ. Они шли съ пѣснею Марселейзы, сочиненною въ Стразбургѣ Роже де Лилемъ, уроженцемъ Юрскимъ, офицеромъ — роялистомъ. Прибытіе Марсельцевъ было праздновано банкетомъ въ Елизейскихъ Поляхъ, который не обошелся безъ кровопролитія. Составился комитетъ федератовъ, въ которомъ были Американецъ Фурнье, журналистъ Карра, Пруссакъ Вестерманъ, викарій Вожуа Симонъ, и пр. Карра написалъ планъ возстанія 10го Августа.

Дворецъ защищали 800 Швейцарцевъ въ красныхъ мундирахъ, нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи, нѣсколько пушекъ и 300 дворянъ, подъ начальствомъ генерала Манда. Петіона посадили заговорщики подъ домашній арестъ, съ его согласіемъ, а городскую думу заняли своими друзьми. Сіи послѣдніе потребовали къ себѣ Манда и предали его смерти. Артиллерійсты отказывались стрѣлять

на народъ, и національные гвардисты безпрестанно переходили на сторону демократовъ. Рёдереръ, директоръ департамента, уговорилъ короля перейти съ семействомъ въ Народное Собраніе, которые было не въ числѣ, чтобъ дѣлать предписанія, но приняло Лудвига съ утвержденіемъ его безопасности. Между тѣмъ Швейцарцы, оставленные безъ приказанія, открыли бой, когда пятеро ихъ часовыхъ были схвачены народомъ и умерщвлены. Народъ былъ отбитъ, но жандармы не атаковали, а нападеніе возобновилось снова. Четыресто Марсельцевъ пали въ этомъ покушеніи; но Швейцарцы погибли всѣ, исключая 300, которые, по приказанію короля, перешли въ Собраніе и сложили тамъ оружіе. Немного дворянъ спасли свою жизнь; ожесточенный народъ недавалъ пощады, и разоривъ дворецъ хлынулъ въ Законадательное Собраніе, которое произнесло заключеніе короля въ Темплѣ до окончательнаго рѣшенія его судьбы Конвенціей. Королевское семейство провело двѣ ночи въ монастырѣ Фейланъ, а въ понедѣльникъ перевезено была днемъ и шагомъ, для наслажденія народа, въ тюрьму. Того же 12го Августа Законадательное Собраніе постановило, что 20го Августа соберется Конвенція. Оно этимъ добровольно отказывалось отъ власти, оставляя объ себѣ репутацію

безхарактернаго Собора, главнаго виновника всѣхъ бѣдъ. Король давно былъ бы радъ поступить въ частную жизнь. Королева, которая дала 150,000 Дантону, была бы счастлива воротиться въ Австрію, какъ это Дантонъ и предложилъ разъ въ клубѣ. Дофинъ могъ бы быть воспитанъ конституціональнымъ наслѣдникомъ престола.

Девятнадцатаго Августа, Собраніе низложило Лафайета, который самъ рѣшился эмигрировать, но попалъ въ непріятельскій пикетъ и былъ заключенъ въ Ольмюцѣ. Двадцать перваго числа палъ Лонгви, послѣ небольшой бомбардировки и непріятель обложилъ Верденъ. Министерство Жирондистовъ, воротившись въ правленіе, назначило Дюмурье на мѣсто Лафайета и между тѣмъ какъ Брунсвигъ, которому конституціональная партія предлагала черезъ Кюстина коронну Франціи, дѣйствовалъ нерѣшительно и медленно, Дюмурье занялъ лѣсъ Аргонскій и тѣмъ спасъ Францію. Вердёнъ же капитулировалъ и Бореперъ комендантъ крѣпости, не хотѣвъ сдаться, застрѣлился.

Дантонъ былъ министромъ юстиціи и головою правительства. Но комуна Парижская шла дальше его и предписовала волю свою Собранію. Она вынудила его разрѣшить основаніе во дворцѣ коммиссіи

для изысканія преступниковъ 10го Августа, но предсѣдатель Лакруа не согласился на то, чтобъ подсудимые въ Орлеанѣ были перевезены въ Парижъ для умерщвленія. Національная гвардія была реорганизирована и раздѣлена на вооруженныя отдѣленія (sections), а коммуна на комитеты, изъ которыхъ комитетъ общаго надзора (surveillance générale) получилъ право домашнихъ обысковъ. Мара занималъ въ немъ почетное мѣсто, а Майаръ сдѣлался рукою Дантона. Этотъ учредитель сценъ 6го Октября собралъ кровожадныя свои горды и послѣдующія злодѣйства такъ мало были внезапны, что заранѣ приготовлено было мѣсто на кладбищѣ для зарытія труповъ. Многіе изъ заключенныхъ заранѣ были выпущены, по протекціи устроителей убійствъ. Тюрьмы были набиты аристократами и попами. Мара и Дантонъ рѣшили ихъ перерезать, чтобъ не оставить надежды возстановленія стараго порядка вещей и чтобъ понудить народъ на защиту отечества. Ламартинъ справедливо говоритъ, что убійство составляетъ политику злодѣевъ. Кровопролитіе продолжалось сто часовъ. Они составляютъ самое черное пятно Исторіи Франціи и одна Варѳоломеевская ночь можетъ сравниться съ Сентябрьскими днями. Ночью 2го Сентября сдѣлано было

до 5000 арестацій. Днемъ везли изъ думы въ Абеи карету съ плѣнными попами. Злодей взлѣзъ въ нее и подалъ примѣръ убійствъ. Полтораста Швейцарцевъ были первые умерщвлены на дворѣ этой тюрьмы превращенномъ въ бойню. Майаръ, въ сѣромъ сюртукѣ, опаясанный саблею, предсѣдательствовалъ надъ судомъ, котораго рѣшенія заранѣ были опредѣлены коммитетомъ комуны. Мясники, федераты исправляли должности палачей, съ засученами руковами, въ рубашкахъ, съ саблями и пиками. Число убіенныхъ простерлось отъ 1500 до 10000. Убійцы уставали отъ дѣла и не разъ ѣли и отдыхали. Имъ заплатили 24 ливра на человѣка за работу. Ночь прекратила убійства не надолго. Дѣло зла начиналось снова съ разсвѣтомъ. Дочь начальника Инвалидовъ, Соморѣль получила прощеніе за себя и за отца, потому только, что согласилась выпить аристократской крови.

Воздвигнули скамейки вокругъ двора и женщины и дѣти пришли насладиться этимъ зрѣлищемъ. Ни сѣдины, ни невинность не находили пощады. Звѣри съ человѣческими лицами не довольствовались убивать, они продолжали мученія иныхъ жертвъ. Въ Кармелитской тюрьмѣ, въ улицѣ Вожираръ, возобновились тѣже сцены. Тридцать ворвавшихся туда убійцъ не принадлежали самому низкому слою на-

рода и употребляли огнестрѣльное оружіе. Въ Ла Форсѣ Геберъ и Люіеръ осуждаютъ на смерть всѣхъ узниковъ, кромѣ десяти богатыхъ. Княгиня Ламбалль, сестра подруги Королевы, убита была въ недоумѣніи. Въ Шателѣ пало 575 жертвъ, и мошенники упоенные кровью бросились въ Бисетръ, гдѣ они перерѣзали заключенныхъ не за политику женщинъ и ума лишенныхъ. Въ госпиталѣ Салпетріеръ повторили они тѣже ужасы, не внимая голосу ни Петіона, ни Сантерра, которые хотѣли ихъ остановить. Они сами не избѣгли достойной участи и всѣ граждане впослѣдствіи чуждались этихъ изверговъ.

Въ провинціяхъ повторились тѣже сцены, хотя въ меньшемъ размѣрѣ. Герцогъ Ларошефуко былъ убитъ на водахъ; въ Ліонѣ, въ Реймсѣ, въ Орлеанѣ тюрьмы превратились въ человѣческія бойни и политическіе арестанты содержавшіеся въ Орлеанѣ, довезенные до Версаля, были умерщвлены въ этомъ городѣ.

Не свободу надо винить въ этихъ преступленіяхъ, а людей, изъ которыхъ многихъ исторія не сохранитъ даже имена, какъ недостойныхъ самаго ея презрѣнія. Въ числѣ этихъ человѣческихъ мясниковъ былъ Негръ привезенный Фурнье изъ Америки. Онъ убилъ болѣе двухъ сотъ людей, съ остервененіемъ своей расы противъ бѣлыхъ.

Сентября 21го выиграно было сраженіе при Вальми (въ Шампаніи) и открыта Конвенція. По настоянію короля прусскаго, Герцогъ Брунсвигъ аттаковалъ Келлермана; но недовольно рѣшительно. Дѣло ограничилось взаимною канонадою; энтузіазмъ Французовъ потрясъ дисциплину Пруссаковъ, которые ограничились потерею 400 убитыми. Въ этомъ дѣлѣ отличился Герцогъ де Шартръ, впослѣдствіи Король Луи Филиппъ*). Пруссаки заключили миръ, Дюмурье обязался ихъ не преслѣдовать, но ретирада ихъ была погубна, въ странѣ опустошенной патріотами.

Конвенція открыла засѣданія превозглашеніемъ республики. Робеспіерръ, Маратъ, Дантонъ, не бывшіе членами законадательнаго Собранія, воротились въ Конвенцію, которая считала 749 членовъ. Жирондисты рѣшились неоставить Сентябрскіе дни безъ наказанія и обвинили Мара и Робеспіерра. Но Робеспіерръ неучаствовалъ въ убійствахъ. Онъ провелъ ночь 2го Сентября у друга своего Сянъ-

*) Замѣчательно, что Дантонъ предсказалъ ему его участь. Воротясь въ Парижъ, принцъ сказалъ ему, что армія имѣетъ отвращеніе къ кровѣ пролитой внѣ сраженія. Дантонъ возразилъ ему, что онъ слишкомъ молодъ, но что республика не уцѣлѣетъ и что онъ будетъ королемъ.

Жюста, не раздѣваясь, и когда Сенъ Жюстъ изъявилъ ему удивленіе, что онъ неспалъ, Робеспіерръ ему отвѣтилъ: „Дантонъ, тотъ спалъ!“

Мара сохранилъ всю свою дерзость передъ обвинителями, а такъ какъ Дантона Жирондисты не обвинили, то онъ отклонилъ ударъ отъ Мара, чтобъ спасти самаго себя.

Черезъ нѣсколько дней Лувье, литераторъ*) преданный Гжѣ Роланъ, возобновилъ обвиненіе противъ Робеспіерра въ томъ, что онъ стремился къ диктаторству. Послѣдствіемъ могло только быть возвышеніе Робеспіерра, которому эти нападенія придавали особую важность, не будучи въ состояніи его погубить.

Дюмурье, возвратившись изъ лагеря, пытался помирить Жирондистовъ съ Дантономъ, но Годе хотѣлъ республику невинную, чистую, и Дюмурье, видя въ Жирондистахъ честныхъ краснобаевъ, а въ Дантонѣ мощнаго дѣятеля, отсталъ отъ первыхъ и присталъ ко второму.

Королевская фамилія была заперта не во дворцѣ, а въ маленькой башнѣ Тампля (принадлежность рыцарей Темплеровъ, а потомъ Герцога д'Артуа). У ней отняли прислугу и приставили Тизона, мужа и

*) Авторъ Фобласа.

жену, Симона и Роше. Роше, поднявшій руку на короля 20го Іюня, сѣдельникъ, человѣкъ грубой, преслѣдовалъ своими дерзостями высокихъ затворниковъ.

Часовые не переставали обижать короля, солдаты пѣть пахабныя пѣсни; но друзья его являлись на крышахъ и у оконъ домовъ возлѣ тюрьмы, во время прогулки королевской фамиліи, продолжавшейся часъ въ день. Жена Англійскаго посла прислала нужное бѣлье королевѣ; хотя Собраніе назначило 500,000 на содержаніе узниковъ, эти деньги не шли на ихъ нужды. Когда Брунсвигъ, при заключеніи мира, требовалъ отчета о содержаніи Короля, тогда Петіонъ прислалъ ему, по его просьбѣ, сто луидоровъ.

Въ концѣ Сентября, король переведенъ былъ въ большую башню, и сообщенія съ дѣтьми прекратились; у него отняли перья, бумаги и послѣдняго лакея — Клери.

Ноября 4го, Дюмурье одержалъ надъ Австрійцами побѣду при Жемапѣ, а Валазе подалъ конвенціи рапортъ о королѣ, находя его виновнымъ. Слесарь Гамянъ, съ которымъ Лудвигъ обходился какъ съ другомъ и товарищемъ, измѣнилъ ему. Работая вмѣстѣ, они сдѣлали въ стѣнѣ Тюльери потаенный шкафъ, въ который король заперъ

свою тайную корреспонденцію. Ноября 20го, Гамянъ донесъ объ этомъ городской думѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ получилъ препорученіе доставить эти бумаги, что онъ и сдѣлалъ, не взявъ предосторожности ихъ запечатать. Когда узнали ихъ содержаніе, то разбили бюстъ Мирабо въ клубѣ Якобинцевъ и закрыли вуалею его бюстъ въ залѣ манежа; Барнавъ же съ Сентября мѣсяца находился въ тюрьмѣ, въ Версалѣ.

Ноября 19го, Конвенція обѣщала помощь всѣмъ народамъ возстающимъ противъ своихъ утеснителей, что не мало испугало Европу.

Декабря 11го, король привезенъ былъ съ конвоемъ въ конвенцію для допроса. Ему предлагаютъ пятьдесятъ семь вопросовъ и президентъ Барреръ заветъ его просто Лудвигомъ или Лудвигомъ Капетомъ. Обвиненный проситъ законныхъ защитниковъ, и когда оные ему дозволяются, старикъ Малербъ добровольно предлагаетъ свои услуги павшему Королю. Адвокаты Тронше и Десезъ присоединяются къ нему. Декабря 26го, Лудвигъ является передъ судомъ въ 9 часовъ утра. Десезъ, представилъ трогательную защиту, по окончаніи которой король его обнялъ и убѣдительно прибавилъ, что онъ не имѣлъ намѣренія проливать кровь народную 10го Августа.

За дебатомъ объ томъ: надлежитъ ли короля судить конвенціи или самому народу, приводятъ и приносятъ въ собраніе раненыхъ 10го Августа, между тѣмъ какъ народъ громко требуетъ хлѣба и казнь измѣнника, какъ будто смерть короля могла накормить бѣдныхъ.

Между тѣмъ Дюмурье обвинятъ министра Паша и Гасенфраца въ взяточничествѣ, а шпіонъ Виталь Гжу Роланъ, которая представляетъ свою защиту сама передъ собраніемъ ее оправдывающемъ.

Генералъ Кюстинь, назначенный главнокомандующимъ на Рейнѣ, взялъ Шпейеръ сюрпризою, занялъ Вормсъ, взошелъ въ Майнцъ, еще неукрѣпленный, силою мыслей, а не оружія, ибо Французскія правила политики находили много сочувствія въ Германіи. Но вмѣсто того чтобъ атаковать Кобленцъ и Эберштейнъ, онъ двинулъ свой авангардъ къ Франкфурту и наложилъ на этотъ богатый городъ контрибуцію въ 4 мил. фр. Герцогъ Брунсвигскій принужденъ былъ отнять Франкфуртъ, что и сдѣлалось безъ кровопролитія.

Съ завоеваніемъ Бельгіи рѣшено было присоединеніе этого государства къ Франціи. Оно представляло сбытъ для ассигнацій (Дюмурье нашелъ средство занять 60 милліоновъ) конфискацію имуществъ

духовенства, мѣста демократамъ. Англія не могла позволить пріобрѣтеніе устье въ Шельды и Питъ готовый на всѣ снисхожденія, не соглашался на увеличеніе предѣловъ Франціи. Это было причиною возгорѣвшейся войны болѣе нежели сочувствіе съ злочастнымъ Лудвигомъ. Испанія, съ своей стороны, будучи управляема Бурбономъ, протеставала противъ суда короля*), но Годой ожидалъ спасеніе Лудвига отъ передѣлки Французской конституціи болѣе нежели отъ войны и отказывался соединиться съ Англіей. Англичане утверждали**), что члены конвенціи играли на биржѣ, спекулировали на бессу и посему желали войны.

1793.

Приговоръ короля къ смерти состоялся, 16. Января, изъ 361 голосовъ, а 321 члена были за тюремное заключеніе или изгнаніе. Извѣстіе это принесъ королю Малербъ, и Лудвигъ, обнявъ его, сказалъ ему, что онъ не боится смерти. 20го вечеромъ,

---

*) См. Исторію Фердинанда VII.

**) Лордъ Гренвиль, Милесъ (authentic correspondence).

онъ простился съ семействомъ въ молчаніи и рыданіи. Ирландскій священникъ Еджвортъ, по выбору Лудвига, пріѣхалъ утѣшить его въ послѣднія минуты. Король ему показалъ завѣщаніе, въ которомъ онъ говорилъ сыну, что если несчастіе сдѣлаетъ его королемъ, то надо исполнять законы, сожалѣя, что у него недовольно было власти и для этого. Набожный вѣнценосецъ всегда просилъ Бога, чтобъ кровь его не пала на Францію. Послѣднею радостью его было дозволеніе ему преобщиться святыхъ тайнъ въ день смерти. Духовникъ его успокоилъ мыслею, что онъ удостоится вкусить тѣла Спасителя-Мученика. Всю ночь священникъ провелъ въ молитвахъ, а король во снѣ до пяти часовъ утра. Разставаясь съ Клери, онъ далъ ему печать для Дофина, обручальное кольцо для королевы, боясь чтобъ его не опозорили съ тѣломъ его; но тюремчики не позволили ему остричь свои волосы. Когда за нимъ пріѣхала карета, онъ взялъ шляпу и твердымъ голосомъ сказалъ: „Пойдемте.“ Дорогою онъ читалъ молитвенникъ аббата и два жандармы сидѣвшіе въ каретѣ были удивлены его величіемъ, вѣрою и мужествомъ. Онъ не позволилъ палачамъ раздѣть себя, раздѣлся самъ и только уступилъ увѣщаніямъ священника позволивъ связать себя. Взо-

шедши на эшафотъ онъ сказалъ: „Народъ! я умираю невиннымъ“... Рѣчъ его производила такое впечатлѣніе на толпу покрывавшую плацъ Революціи, терассы и деревья Тюльери, что начальникъ штаба, незаконный сынъ Лудвига XV., велѣлъ ударить въ барабаны. Когда голова его упала, аббатъ сказалъ: „Сынъ святаго Лудвига, взойди на небо!“ Федеристы стали мочить свое оружье въ крови королевской и крикъ: „Да здравствуетъ республика!“ замеръ на устахъ зрителей. Палачи торговали волосами покойника. Лавки были этотъ день заперты, а театры открыты по высочайшему предписанію.

Такъ Лудвигъ XVI. искупилъ пороки своего рода и оправдалъ себя передъ Богомъ и передъ совѣстію, если не передъ исторіею. Народъ же его казнившій исполнилъ месть, а не совершилъ судъ; ибо король долженъ быть королемъ, а не демократомъ. Но и Французскій народъ вѣрно бы его не приговорилъ къ смерти. Потому-то Якобинцы избѣгнули спросить его о его мнѣніи.

Прошло шестьдесятъ пять лѣтъ и врядъ ли другая казнь монарха возможна. Лудвигъ не только простилъ своимъ врагамъ, но просилъ, чтобъ никто не былъ наказанъ за его умерщвленіе.

Ужасъ обнялъ престолы при извѣстіи о убіеніи

Лудвига XVI. Всѣ державы вооружились противъ революціонернаго привидѣнія. Принцъ Кобургскій замѣнилъ Герцога Брунсвигскаго въ начальствѣ и Дюмурье, вытѣсненный изъ Голандіи, вскорѣ былъ вытесненъ и изъ Бельгіи. Онъ потерялъ сраженіе при Тирлемонѣ, 16го Марта, и заключилъ тайный переговоръ съ непріятелемъ, въ Атѣ, обязуясь оборотить свою армію противъ республики. Въ этомъ черномъ дѣлѣ Дюмурье не повиновался столько негодованію за смерть короля какъ интригамъ Д'Орлеановъ, которымъ онъ хотѣлъ передать корону. Войско обожало его, но любило родину еще больше. Онъ остановилъ коммиссаровъ конвенціи и передалъ ихъ Клерфету, но на другой день, когда онъ хотѣль занять Конде, волонтеры безбунтовались и Дюмурье бѣжалъ съ Герцогомъ Шартрскимъ и двумя дочерьми Фернига въ Турне. Скитаясь изъ Германіи въ Англію, живя подаяніями, онъ окончилъ жизнь свою въ Лондонѣ, не смѣя воротиться въ отечество, даже когда оно открыто было всѣмъ изгнанникамъ.

Между тѣмъ въ Парижѣ Мара возвышался на первое мѣсто въ любви народа. Соотечественникъ Руссо, онъ шелъ далѣе его въ своихъ правилахъ и представляя пролетарство, хотѣлъ уравненія богатствъ.

Малаго роста, съ большою головою, онъ отличался безпорядкомъ своей одежды. Съ открытою грудью, съ засученными руковами, онъ носилъ темную куртку съ заплатками, бархатные штаны въ чернильныхъ пятнахъ, простые башмаки завязанные веревками, гладкіе волосы перевязанные ремнемъ. Онъ былъ писателемъ съ 20 лѣтняго возраста, но ни одна изъ его 28 книгъ не перешла въ потомство. Зависть къ ученымъ, завистъ къ богатымъ наполняла и ожесточала его душу. Революція нашла его въ канюшняхъ Герцога д'Артуа, а издателемъ Друга Народа онъ жилъ въ бѣдной комнатѣ въ улицѣ Корделье съ женщиной по имени Албертина. Онъ уже ненавидѣлъ Робеспіерра, который его презиралъ и пересталъ любить Дантона. По его наущенію, 24го Февраля, народъ вторгся въ булочныя, въ магазины, и силою, по своей таксѣ, взялъ припасы. На другой день, послѣ бурнаго засѣданія, виновники грабежа были преданы суду. Но въ главномъ комитетѣ инсуррекціи, который засѣдалъ то въ одной изъ залъ ратуши, то въ предмѣстіи С. Марсо, а потомъ въ Аббатствѣ, Мара сохранялъ свое вліяніе. „Насъ называютъ, говорилъ онъ, кровопійцами. Заслужимъ это имя выпивъ кровь нашихъ враговъ.“ Убійство 22 Жи-

рондистовъ было рѣшено въ ночь 9—10 марта. Куаферъ Сире распустилъ эту тайну, а Лодиска, любовница Луве, увѣдомила его о томъ, что она слышила въ клубѣ Якобинцевъ. Жирондисты спрятались на ночь, но явились на другой день въ засѣданіе, гдѣ конвенція положила учрежденіе Революціонернаго суда, состоящаго изъ девяти членовъ. „Будемте страшны, для того чтобъ народъ не былъ жестокъ," сказалъ Дантонъ. Основаніе комитета общественнаго снасенія дало власть Конвенціи безъ различія мнѣній. Но Лассурсъ обвинилъ Дантона въ участіи въ измѣнѣ Дюмурье, и Дантонъ былъ вынужденъ оборотиться противъ Жирондистовъ къ Монтанѣ, которая и приняла его въ разверстыя объятія.

У Дантона умерла жена когда онъ возвращался изъ лагеря Дюмурье. Чтобъ успокоить людей строгой нравственности, онъ женился въ другой разъ на дочери Жели, пристава парламента, дѣвочки шестьнадцати лѣти. Ея мать его укоряла въ приговорѣ короля къ смерти, и онъ сожалѣя свои дѣйствія, посылалъ къ принцу Шартрскому предлагать ему корону, но герцогъ отказалъ.

Вмѣсто Дантона, отдали подъ судъ Мара, но судъ этотъ придалъ ему только болѣе важности.

24го Апрѣля народъ проводилъ его туда и оттуда въ тріумфѣ. Соборъ дѣлался игралищемъ Парижанъ, Якобинцевъ, и Гуаде предложилъ перевести засѣданія въ Версаль, но семейство Д'Орлеановъ послужило этотъ разъ жертвою и было перевезено въ заключеніе въ Марсель, въ крѣпость Ла Гардъ, а потомъ Св. Іоанна.

Гуаде потребовалъ уничтоженіе Парижскихъ властей, но по предложенію Баррера, учреждена была коммисія двѣнадцати изъ Жирондистовъ, чтобъ блюсти надъ коммуною. Она арестовала Гебера, а коммуна протестовала противъ этой мѣры. Президентъ конвенціи Иснаръ увеличилъ бурю, говоря о возможности разорѣнія Парижа департаментами. 27го коммисія двѣнадцати была уничтожена.

Побѣда эта воодушевила демагоговъ; но части города богатыя были за Жирондистовъ и умѣренные члены Конвенціи (Долина) казалось улѣряли имъ большинство; но въ расчетъ этотъ не входилъ страхъ, которымъ располагало лютое меньшинство. Однакожъ коммисія 12 продолжала свои засѣданія. Въ ночь 30 мая раздается набатъ. Пашъ, Генріо окружаютъ конвенцію народными силами, а шесть центральныхъ разрядовъ Парижа занимаютъ садъ Пале-Рояля, для защиты Жирондистовъ. Просители

наводняютъ Собраніе и поддерживаютъ Монтаньяровъ. Робеспіерръ, имѣя въ виду одну свою популярность, возстаетъ противъ Жирондистовъ, какъ хотѣвшихъ спасти короля и поддерживавшихъ Дюмурье. Въ этотъ вечеръ революціонерный комитетъ остановилъ Гжу Роланъ; мужа же ея непашли дома, а комитетъ общественнаго спасенія, къ которому перешла власть коммиссіи двѣнадцати, предлагалъ двадцати двумъ членамъ отказаться отъ своихъ мѣстъ, на что только Испаръ, Фоше и Дюссо согласились. Генріо снова прибѣгнулъ, по совѣту Мара, въ ночь 1го Іюня къ вѣстовой пушкѣ и къ созванію волонтеровъ. 2го Іюня, Ланжьюне, депутатъ Бретонскій, защищаетъ свободу кафедры, но народъ врывается снова въ Собраніе, которое, чтобъ показать что оно свободно, выходитъ на плацъ до пушекъ Генріо и возвратившись соглашается на арестацію Жирондистовъ, изъ которыхъ Мара прощаетъ однихъ и замѣняетъ другими! Революція пожирала своихъ дѣтей и вина Жирондистовъ была въ неупроченіи республики. Ихъ конституція не достигала этой цѣли, а генералы ихъ были разбиты, союзники угрожали Франціи. Эта опасность одна извиняетъ порабощеніе власти Парижанами. Ни Робеспіерръ ни Дантонъ не желали смерти Жирон-

дистовъ, которыхъ оставили разойтиться по департаментамъ. Ребекп бросился въ море, видя, что роялисты пользовались возстаніемъ Марселя. Восемьнадцать Жирондистовъ ушли въ Канъ, гдѣ скоро шесть тысячъ волонтеровъ, подъ начальствомъ генерала Вимпфена, были готовы наказать анархистовъ. Нормандія сочувствовала съ Жирондистами, которые бы дали Франціи Англійскія учрежденія. Дѣва Нормандская, Шарлота Корде, рѣшилась спасти своею жизнію жизнь тысячей, которыхъ Мара долженъ былъ принести въ жертву мнимому своему патріотизму. Любовь къ человѣчеству была пружиною ея дѣйствій, ибо Франклинъ, волонтеръ, который ее любилъ, умеръ только послѣ нее — съ отчаянія. Внучка Корнеля отправилась въ дилижансѣ въ Парижъ, купила кинжалъ въ Пале-Роялѣ и въ день великихъ событій, 14го Іюля, взошла къ Мара. Ее обвиняютъ, что она прибѣгнула къ хитрости, чтобъ проникнуть къ злодѣю; но Рейналь, ея любимый философъ, говоритъ, что мы необязаны говорить правду тиранамъ. Мара былъ въ ванной, записалъ имена Жирондистовъ въ Канѣ и сказалъ: „Прежде мѣсяца они всѣ взойдутъ на эшафотъ.“ Эти слова рѣшили его участь, Шарлота вонзила кинжалъ ему въ грудь и вода его ванной преобратилась въ кровь. Про-

клятія наложницы Мара были ей чувствительнѣе угрозъ народа, она не знала, что кто нибудь могъ любить этого изверга. Ее заключили въ Аббатство, а потомъ въ Консіержери. Допросчики ея непонимали, что злодѣйства Мара вооружили руку дѣвушки, когда мужи не возставали противъ нихъ. Эта дѣва древности писала отцу своему: „Извините меня за то, что я распорядилась моею жизнію безъ вашего согласія и незабудьте стихъ Корнеля:

„Le crime fait la honte et non pas l'échafaud."

Когда она явилась передъ судомъ, красота ея заставила молчать въ сердцѣ зрителей ужасъ внушавшій ея поступокъ. Шово-Лагардъ защищалъ ее, предписывая ея дѣйствіе фанатизму. Послѣдни ея попеченіе было о ея портретѣ; она знала, что заслужило безсмертіе. Когда голова ея упала, слуга палача далъ ей плеуху и она покраснѣла за безсовѣстность своихъ соотечественниковъ. Ея убійцы убѣдились на ея трупѣ въ ея невинности! Смерть ея погубила Жирондистовъ, но, какъ сказалъ Верніо, научила ихъ какъ умереть. Мара отданы были божескія почести. Онъ убивалъ рукою палача, а не своею, а за кровь своихъ жертвъ не давалъ свою въ искупленіе, какъ Шарлота, а еще историки мало знако-

мые съ примѣрами древней добродѣтели, не знаютъ какъ ее судить! Нѣмецкій энтузіастъ, Адамъ Луксъ далъ свою жизнь за Корде, воспѣвъ ее въ стихахъ; но смерть ея неостановила ужасы эшафота, потому что слишкомъ мало людей понимали ея геройство и самопожертвованіе въ вѣкъ эгоизма.

Изъ Кана Жирондисты перешли въ Бретанію, а часть ихъ переплыла въ Бордо. Но они всѣ попали въ руки своихъ враговъ.

Монтаньяры на скоро сдѣлали свою конституцію, которая поставляла всѣ главныя должности на выборъ самаго народа. Дантонъ, не вѣря конституціямъ, поѣхалъ съ женою въ Оси на Обѣ и Робеспіерръ, безъ Марата и Дантона, сдѣлался владыкою Франціи.

Между тѣмъ союзники дѣлали успѣхи. Конде, Валансіенъ, Маянцъ пали въ ихъ руки и Конвенція отдала Кюстина подъ судъ за измѣну ея надеждъ. Отсѣченіе его головы исполнило страхомъ генераловъ. Конвенція предписала защиту государства и всѣ впослѣдствіе сдѣлавшіяся славныя имена поступили тогда на службу. 6го Сентября, она учредила армію шеститысячную въ Парижѣ противъ враговъ революціи, подъ начальствомъ Ронзена, и преобрязовало революціонерный судъ. Съ 17го Сентября терроръ былъ введенъ, смерть предписана противъ

враговъ свободы, людей подозрительныхъ, зломысля щихъ и ихъ друзей, а доносъ объявленъ гражданскимъ долгомъ. Гелліотина (изобрѣтенная Докторомъ Гелліотяномъ, парижскимъ представителемъ въ Національномъ собраніи) возникла во всѣхъ главныхъ городахъ и развозилась по всѣмъ небольшимъ мѣстамъ. Судья Германъ и публичный обвинитель Фукье-Тэнвилль пріобрѣли наибольшую извѣстность въ революціонномъ судѣ. Въ 60 дней, 98 человѣкъ низложили свои головы; тюрьмы наполнились заключенными и не достовало священниковъ, чтобъ причащать казнимыхъ. Съ 31го Мая увеличилась строгость содержанія вдовствующей королевы. Конвенція рѣшила что она будетъ судима, и ее разлучили съ ея сыномъ, котораго воспитаніе повѣрено было тюремщику Симону. Этотъ извергъ началъ его бить, учить ему непристойныя пѣсни и развращать его тѣло, умъ и душу! Августа 2го Марію Антуанету перевели въ Консіержери, гдѣ она нашла въ Ришарѣ и Бо людей съ уваженіемъ къ несчастію. 14го Октября она предстала передъ судьями своими, изъ которыхъ Геберъ имѣлъ низость обвинить ее въ развращеніи Дофина! На другой день совершилась ея безполезная и жестокая казнь и тѣло ея было похоранено на кладбищѣ Магдалены въ гробѣ стоившемъ 7 франковъ!

Жирондисты заключены были сначала въ монастырѣ Кармелитовъ (въ улицѣ Вожираръ), а потомъ въ Консіержери, гдѣ они еще застали королеву. 26го Октября начался ихъ процессъ. Отбывшіе изъ нихъ замѣнены были другими, чтобъ дополнить первоначальное число 22 обвиненныхъ. Между ними отличали Бриссо, изучившій республику въ Америкѣ и одѣтый Квекеромъ; Верніо извѣстный своею бѣдностію и краснорѣчіемъ, Валазе желающій смерть какъ довершеніе безсмертія; Фоше въ священническомъ одѣяніи; Дюко диверь Фонфреда, умиравшаго изъ дружбы къ нему; Дюперре, къ которому Шарлотта Корде привезла письмо отъ Верніо; Дюшатель отличавшійся красотою, а Карра безпорядкомъ своего одѣянія, Женсонке извѣстный колкостію своихъ рѣчей, Гардіенъ бывшій членъ коммиссіи Двѣнадцати, и Бриссо, низкаго роста, но возвышеннаго ума. Ихъ обвиняли въ заговорѣ противъ единства республики и приговоръ ихъ былъ рѣшенъ прежде его объявленія. Валазе поразилъ себя кинжаломъ услышавъ оный, и судъ повелеваетъ казнить его трупъ! Послѣднюю ночь, Жирондисты провели за ужиномъ. Верніо сказалъ: „Мы ошиблись времепемъ, мы думали быть въ Римѣ. Французы воротятся къ королямъ, какъ дѣти къ игрушкамъ.“ 20. Октября ихъ повезли

на мѣсто казни и они перестали пѣть Марсельезу только отдавъ послѣднее дыханіе. Вернію былъ казненъ послѣднимъ, точно враги его хотѣли увеличить его мученіе зрѣлищемъ смерти всѣхъ его друзей!

Какъ будто хотѣвъ удивить свѣтъ своею неблагодарностію, республика казнила Герцога Орлеанскаго 8го Ноября. Онъ умеръ какъ князь-демократъ не блѣдняя.*)

Десятаго Ноября казнена была Гжа Роланъ. Ея послѣднія слова были: „О свобода, сколько преступленій чинится во имя твое!“

Ноября десятаго была введена новая вѣра — поклоненіе разуму. Въ Парижѣ, въ Нотръ-Дамѣ, на хорахъ воздвигся храмъ философіи, на скалѣ горѣлъ факелъ истины; внутри видны были изображенія мудрецовъ древности. Два ряда молодыхъ дѣвушекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнцами изъ дубовыхъ листьевъ составляли главное украшеніе. Разумъ, дѣвица Майаръ, покрытая мантиліею небеснаго цвѣта, возсѣла на скамью изъ зелени, а дѣвицы пропѣли ей гимнъ. Въ Сянъ-Сюлписѣ жена судьи представляли разумъ. Въ другихъ городахъ Фран-

*) Когда палачъ хотѣлъ снять его сапоги, Егалите ему отвѣтилъ: „Вы легче снимите ихъ послѣ.“

ціи, дѣвушки, хорошаго поведенія и высокаго роста исполнили туже роль.

Вѣроисповѣданіе это не отвѣчало потребностямъ душей уже уставшахъ отъ революціи, оно было теоріею философовъ, а не выраженіемъ влеченій, отличавшихъ эту эпоху.

Извѣстно, что Робеспіеррь возставалъ противъ невѣрія Мара, но Мара не былъ атеистомъ и извѣстныя слова: „Онъ намъ всѣмъ учитель“ относившіяся къ Христу*) были произношены Мара.

Шарлотта Корде, по видимому никогда не исповѣдовалась и передъ смертію отказала священнику въ его услугахъ. Герцогъ Орлеанскій также отослалъ Ламберта, но Лотрингенъ навязался къ нему и онъ на колесницѣ приговоренныхъ шепнулъ ему на ухо величайшее свое преступленіе. До тѣхъ поръ національнымъ вѣроисповѣданіемъ звалось служеніе священниковъ присягнувшихъ конституціи. Королеву благословилъ изъ окошка улицы Сянтъ-Оноре священникъ неприсягавшій, когда ее везли на смерть. Камиль Дюмулянъ былъ первымъ французомъ крестившимъ своего сына по новому образцу.

*) Voilà notre maître à nous tous. Они были повторены въ 1848 г. ученикомъ политическаго училища. См. Europe Révolutionnaire.

ХРОНИКА.

Столѣтнее празднество рожденія Шиллера было праздновано съ большимъ торжествомъ, не только въ Германіи, но во всей Европѣ, въ Америкѣ и въ Австраліи, гдѣ только простирается Нѣмецкій языкъ. „Большое доброе это дѣло“ миритъ насъ съ человѣчествомъ и дѣлаетъ честь тѣмъ изъ Князей Германскихъ, которые вспомнили слова Герцога Веймарскаго: „Цари и поэты должны идти рука въ руку, ибо они стоятъ впереди человѣчества.“ О Шиллеръ! ты былъ помазанъ свыше на царство умственное! Голубь съ елеемъ нисходившій на Хловиса на тебя писшелъ въ видѣ духа вдохновенія — и ты былъ пророкомъ! Ни Гогенцолерны, ни Габсбурги никогда не имѣли тѣхъ почестей, которыхъ мы были зрителями памяти Шиллера во всей Германіи, отъ 9 до 11го Ноября. Въ Берлинѣ Принцъ Гоген-

цолернскій присутствовалъ при рѣчи въ университетѣ, а министры въ залѣ Кроля. Въ академіи, Гриммъ вознесся до краснорѣчія, въ театрѣ Крелингеръ читала стихи о поэтѣ, котораго творенія она такъ давно и такъ хорошо передаетъ. На плацѣ же жандармовъ мальчишки отъ радости бунтовали. Въ Вѣнѣ былъ колосальный факельцугъ, во Франкфуртѣ развевались даже революціонерныя знамена, въ Виртембергѣ весь народъ былъ на ногахъ и въ Марбахѣ, мѣсторожденіи Шиллера, заложенъ ему памятникъ.

Народъ видѣлъ въ этомъ праздникѣ народную манифестацію, а Короли хотѣли возвыситься въ общемъ мнѣніи, уважая геній. У насъ, судя по успѣху грамоты, Пушкину и во сто лѣтъ такихъ ночестей не отдадутъ. Шиллеръ, какъ и всѣ геніи, страдалъ въ жизни, а теперь сооружаютъ ему памятники и во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ. Такъ подтверждаются слова Державина, что талантъ созрѣваетъ въ гробѣ.

Мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобъ пригласить еще разъ г. Смирдина выдать, хоть безъ имени автора, статью Жизнь и Сочиненія Шиллера данную ему въ 1840 г. для Бесѣды.

Друзья сочинителя этой статьи порадуются узнавъ, что 20го Ноября онъ былъ обвѣнчанъ въ

Греческой церкви въ Мюнхенѣ съ дочерью Генералъ Лейтенанта Гессе. — „Надо быть подлецомъ, сказалъ одинъ изъ нашихъ посланниковъ, чтобъ не уважать дѣвушку, которая выходитъ за изгнанника.“

И гуси Римъ спасли; отчего же Наполеону не спасти его? Коли Бельгійцамъ дозволено было избрать себѣ Короля, то кажись и Тосканцамъ можно было бы избрать себѣ картиньана.

Со времени мира Виллафранкскаго была въ Австріи какая то бюрократическая анархія. Утверждаютъ, что Наполеонъ сообщалъ Францу-Іосифу о существованіи въ Австріи многичисленныхъ тайныхъ обществъ, что исполнило ужасомъ Австрійское правительство. По крайней мѣрѣ, съ той поры, появлялись въ Вѣнскихъ газетахъ статьи, которыя бы не пропустили въ обыкновенное время. Но перемѣнъ нигдѣ не видно. Императоръ Австрійскій человѣкъ съ характеромъ, онъ сломится но не согнелся. Замѣчательно, что Славяне занимаютъ бо́льшее число мѣстъ въ Австрійской администраціи, но имъ не только запрещенно писать, по и говорить по Славянски.

Трудно рѣшить, у Австріи или у Пруссіи болѣе враговъ въ Германіи. Для того, чтобъ Пруссія

имѣла призваніе Піэмонта въ Италіи, надо ей испытать свой Наварино и измѣнить свою систему. Ея увѣренность, что ея правительство лучше всѣхъ было бы смѣшно, еслибъ не было бы грустно.

Если революціонерная партія принимаетъ Пруссію въ главѣ будущаго союза, то это съ ея стороны просто тактика.

Смѣсь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Письмо къ Русскому Сановнику.

Милостивый Государь!

* * *

Вы меня спрашивали, какъ будучи столбовымъ дворяниномъ, я посягнулъ на мою дѣятельность? На это я вамъ отвѣтилъ, что я поставлялъ дворянство въ жертвованіи самимъ собою для блага общаго, а не въ обожаніи самаго себя за общественныя награды, а не въ раболепствѣ за большія жалованія. Когда я вамъ напомнилъ о Курбскомъ, вы мнѣ сказали: C'est de l'histoire ancienne. Но именно въ древней-то исторіи и находимъ мы достойныхъ образцевъ. Брутъ, Катонъ, Кесарь, Цицеронъ не были

превзойдены и въ наши времена. Мои образцы не Меттерних̀ъ и не Кавалевскій, не Дѣйствительные Тайные Совѣтники и Кавалеры Святыхъ Орденовъ, а Гёте и Шиллеръ, чтобъ не выходить изъ Германіи.

Толпа кланяется звѣздамъ и крестамъ, а люди достойные уважаютъ талантъ и геній.

Non, non, la nuit peut bien jeter au ciel son ombre,
Elle n'éteindra pas les feux du firmament!

Сказалъ Барбье.

Нельзя служить за разъ Богу и діаволу, набивать карманъ и украшать свой умъ.

Безпечіе нашихъ правителей намъ не примѣръ. Это сонъ кормчаго, который погубитъ корабль! Любящіе самихъ себя видятъ однѣ пристани; любящіе отечество предвидятъ бури.

Неужели наше малолѣтство должно длиться вѣчно? Неужели за всякое слово мы должны ожидать опалы, за всякое дѣло просить помиловенія; на всякій шагъ ожидать соизволенія?

Я вамъ сказалъ, что я такъ чистосердечно ненавидѣлъ Николая, какъ я откровенно люблю Александра. А вы, господа, запрягаетесь за новое царствованіе какъ запрягались за старое; вы втянули старое въ погибель — въ стрехину. Куда же поведете

вы новое? Ливреи вамъ всѣ пристали и пенсіи вамъ всѣмъ къ лицу! Я никого не хочу лишитъ ни престола, ни мѣстъ, ни нравъ, я хочу славу Александра и объявляю, что съ вами онъ мало обрететъ славы. На безрыбьи и ракъ рыба, на бездворіи и Фома дворянинъ. Но я не вѣрю, что у насъ нѣтъ людей новыхъ и способныхъ и я упрекаю Государя только въ томъ въ чемъ упрекнетъ его вся Россія — что онъ худо окруженъ.

Вы видите пылинку въ моемъ глазу, а не видите бревно въ вашемъ. Вы не видите, что вы отжили свой вѣкъ, что вамъ приходится думать какъ я, а не мнѣ мыслить какъ вы, что вамъ надо идти впередъ, а не мнѣ пятиться.

— Нельзя не уважить глубокое убѣжденіе, говорилъ въ моемъ присутствіи Москвичъ Герцену, а наши убѣжденія мы черпаемъ въ скрижаляхъ мудрости древней и новой; вы же Господа, извлекаете ваши правила изъ преданія, изъ рутины. Надо было предписаніе Екатерины, чтобъ запретить вамъ бить челомъ и подписываться рабами. Предписаніе ничего не дѣлать по вашему, безъ воли нынѣшняго монарха, вы должны были бы находить въ вашей совѣсти. Я уважаю ваши мнѣнія, потому что полагаю ихъ чистосердечными, но не раздѣляю

ихъ, потому что реакція въ вашей крови. Какое же право имѣете вы не уважать мои убѣжденія, тѣмъ чистосердечнѣе, что они мнѣ приносятъ не награды, а преслѣдованія? Вы читали книги двѣ моихъ, прочтите ихъ всѣхъ! Германія уважаетъ сердце, Франція умъ, Англія дѣло; неужели у насъ чтутъ только чины и кнутъ?

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія имѣю честь быть, Милостивый Государь, вашъ покорный слуга.

Иванъ Головинъ.

Мюнхенъ, 22го Ноября 1859.

Критика.

AUTOCRATIE EN RUSSIE.
Leipzig, H. Hübner. 1 Thaler.

Пора бросить это предубѣжденіе, что мысль объ ограниченіи верховной власти составляетъ преступленіе. Пора понять, что оно въ выгодѣ самихъ Государей, отъ которыхъ оно переноситъ отвѣтственность на министровъ и сановниковъ. Кто много объемлетъ дурно обнимаетъ (qui trop embrasse mal étreint). Для такой обширной имперіи, какъ наша, однаго ума слишкомъ мало, а кто незнаетъ, что Государю представляютъ вещи какъ хотятъ и истину скрываютъ въ запуски? — Я бы не хотѣлъ быть конституціональнымъ царемъ, сказалъ король Виртембергскій, а Баварія обязана своимъ государямъ всѣми дерственными грамотами свободныхъ учрежденій, такъ что перемѣна Короля въ 1848 г. могла произойти безъ кровопролитія.

Авторъ прозвалъ Александра II. Благонамѣреннымъ и говоритъ, что титулъ Великаго онъ за-

служитъ введеніемъ Кореннаго Закона. Онъ не желаетъ, чтобъ народъ выходилъ изъ повиновенія, но надо же предвидѣть будущность и извѣстно что доброта душевная не наслѣдственна какъ монархія.

Эта книжка, составляющая третію въ этомъ родѣ, также наполнена анекдотами и предметами настоящаго интереса. Что же касается до послѣднихъ дней императора Николая, то они принадлежатъ исторіи, которая вскорѣ и откроетъ эту тайну. Безпристранность сочинителя видна въ его статьяхъ объ русской живописи. Расхваливъ ее съ точки зрѣнія національной, онъ далъ мѣсто опроверженіямъ Французскаго живописца. Въ самомъ дѣлѣ русской школы нѣтъ въ томъ смыслѣ, что каждый артистъ слѣдуетъ своему впечатлѣнію; но вдохновеніе ожидаетъ улучшеніе отъ свободнаго выраженія. Въ Мюньхенѣ мы видѣли картину Коцебу: переходъ Суворова черезъ Альпы. Въ кисти его видно болѣе боязливости нежели бойкости. И для искусства нужна независимость, а не робкость.

Словесное судопроизводство у насъ введено въ управѣ благочинія, взойдетъ и въ другіе суды. Съ смертію Александры Ѳеодоровны будутъ поминать въ церквяхъ только Государя и его Фамилію. Съ чинами уничтожится чиноманія и Синсинапочитаніе;

но время деньги и оно теряется въ безполезныхъ формалистахъ, нераденіи и безпечіи правительства. Покуда Государь слушался Императрицы, дѣла шли хорошо; но съ тѣхъ поръ какъ недальновидные люди написали ему по городской почтѣ, что онъ подъ туфлею жены, онъ пересталъ пользоваться ея совѣтами.

Das Magazin für die Literatur des Auslandes, подарилъ насъ рецензіей книги: La Russie depuis Alexandre le Bien-Intentionné. Рецензія эта состоитъ въ переводѣ всего того что понравились сочинителю, а въ благодарность онъ говоритъ, что эта книга остра (piquant) но не поучительна. Не все же писать компендіи. Сказано, что эти брошюры замѣняютъ журналъ, а критикъ не находитъ связи книги! Онъ наивно спрашиваетъ: со времени Александра значитъ ли подъ Александромъ (unter)? Tronson онъ переводитъ Torx, такъ какъ нѣкогда savetier намъ перевели Seifensiedler. Нѣмецкая критика вообще въ рукахъ неопытныхъ.

GESCHICHTE DER REVOLUTIONS-ZEIT
von Sybel.

Говорятъ, что поэты родятся, а писатели образуются. Но историковъ надо присоединить къ пер-

вому разряду. Фукидидъ и Ксенофонтъ имѣли каждый свои качества, Плутархъ слѣдовалъ своей цѣли и превосходилъ Корнелія Непоса. Ливій не отличался критикой, а Тацитъ соединялъ прелесть разсказа съ глубиною разсужденій. Гиббонъ поставилъ себя выше Гума, а Маколей, въ наши дни, доказалъ, что Англичане лучшіе историки нежели Французы или Нѣмцы. У Нѣмцевъ Ранке скученъ, Раумеръ болтливъ, а Гервинусъ не такъ глубокъ, какъ онъ объ себѣ думаетъ.

У Французовъ Исторія Революціи приняла печать партій, къ которымъ принадлежатъ писатели: Минье, не смотря на краткость своего сочиненія, превзошелъ Тьера. Ламартинъ написалъ „Исторію Жирондистовъ“ для вызванія „революціи презрѣнія“ противъ Луи Филиппа, а Луи Бланъ пишетъ свое сочиненіе съ точки зрѣнія соціалистической. Лучшее сочиненіе Карлейля остается его Исторія Французской Революціи, хоть мѣстами она и утрирована и приторна.

Нѣмецкое прилежаніе достойно уваженія, но не замѣняетъ таланта, и источники, которыми пользовался Сибель не имѣютъ той важности, которую онъ хотелъ бы придать. Къ тому числу принадлежатъ Милютинъ, Шмитъ и Сиверсъ.
